ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 15 (3044) Вторник, 3 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ — БОЕВОЕ КАЧЕСТВО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Директор Минского медицинского института З. Могилевчик принадлежит к тому немногочисленному типу руководителей, которые все еще никак не могут научиться уважительному отношению к критике. Человек крутого нрава, он обычно на критические замечания снизу отвечал «административным ударом» сверху. Это было известно заведующему кафедрой марксизма-ленинизма М. Прохоренко, когда он, выступая на городском собрании партийного актива, решил высказать свое мнение о серьезных недостатках в работе института. Он резко критиковал директора института за то, что в течение долгого времени З. Могилевчик насаждал семейственность, окружал себя приятелями подхалимами, среди которых были и политически сомнительные люди. В институте царил грубый зажим критики, что приводило к созданию беспринципных группировок, к склокам. Тов. Прохоренко знал, что его ждут неприятности, что, может быть, предстоит длительная борьба, но интересы дела были для него дороже личного спокойствия, и он, как подобает советскому человеку и коммунисту, смело высказал то, в чем был убежден.

Для М. Прохоренко началась трудная жизнь. Партийная организация института «не осмелилась» его поддержать. Подхалимы, окружавшие директора, начали собирать на Прохоренко компрометирующие «материалы», распускать порочащие его слухи, всячески мешать работе. Но заведующий кафедрой, убежденный в своей правоте, не сложил оружия, продолжал борьбу, последовательно и настойчиво отстаивая свои взгляды. О недостатках в работе института он говорил и на Ученом совете. Его и тут не поддержали. Тогда он обратился в Минский горком партии. После тщательного расследования установили правоту М. Прохоренко и приняли меры к устранению серьезных недостатков. М. Прохоренко добился своего. От борьбы, которую он вел смело и последовательно, выиграли интересы дела.

Иначе и быть не могло! Логика нашей советской жизни такова, что человек, принципиально, смело и последовательно отстаивающий государственные интересы во всем — в большом и малом, — обязательно получит у нас поддержку и помощь, добьется своего, несмотря ни на что.

Принципиальность, непримиримость к недостаткам и порокам—неотъемлемые качества советского человека. Эту черту характера человека воспитала в советских людях великая партия Ленина — Сталина. Вся история партии, жизнь и деятельность ее гениальных вождей — высокий образец бесстрашной принципиальности, пример беззаветного служения великим принципам коммунизма. В самые тяжелые годы реакции, в самые критические моменты истории, в самых трудных условиях борьбы Ленин и Сталин высоко держали знамя марксизма, отстаивая всегда и во всем чистоту этого знамени.

Ленинское положение о том, что принципиальная политика есть единственно правильная политика, стало моральным качеством, нормой поведения коммуниста, советского человека — руководителя и рядового работника. Быть принципиальным — значит руководствоваться во всем политикой партии и Советского государства, ни на иоту не отступать от ленинско-сталинских принципов, со всей решительностью бороться с антигосударственными тенденциями, в чем бы они ни проявлялись, бороться с любыми попытками поставить интересы местнические, приятельские, личные выше интересов государственных.

Но способен ли последовательно и неуклонно отстаивать во всем интересы государства работник, не знающий глубоко и всесторонне порученного дела? Разве не ясно, что такой работник будет лишен своей точки зрения, будет шарахаться из стороны в сторону, легко поддаваясь любым влияниям, совершая одну ошибку за другой? Вспомните директора автотреста Канунникова из романа А. Рыбакова «Водители». В автомобильном деле он ничего не смыслит, руководить людьми толком не умеет. И вот он крутится, изворачивается, лавирует между знающими свое дело, убежденными в своей правоте людьми, стремясь попасть в тон тем, кто, по его мнению, одерживает верх. И он то и дело попадает впросак. Он так запутался в своих отношениях с людьми, что при всем желании уже не может заниматься ничем иным, кроме как суматошными хлопотами по части угождения начальству. Где уж такому руководителю разглядеть жулика и проходимца!

Канунниковы в руках таких «ловких» людей, как проходимец Вертилин, неизбежно становятся их орудием и ширмой. Внешние различия Вертилина и Канунникова не уменьшают их внутреннего сходства: они питаются из общего источника буржуазной морали. Метод Вертилина—нахальство, Канунникова — перестраховка...

Занятый самолюбованием, иной беспринципный самодовольный чинуша, думающий лишь о личном благополучии, нередко становится пособником врагов, покровителем льстецов и подхалимов, восторгающимся их словами и не видящим их подлых дел. Защищая «честь мундира», стремясь во что бы то ни стало угодить начальству, желая прихвастнуть своими мнимыми успехами, обманывая партию и государство, — такой работник неизбежно вступает на путь беспринципного лавирования, глушит критику снизу, насаждает чуждые нам нравы подхалимства и угодничества, которыми не замедлят воспользоваться проходимцы и негодяи.

Так случилось в Вильнюсе, где бывший управляющий республиканской конторой Госбанка Единович пригрел и долгое время оберегал врага народа — англо-американского шпиона. Самодовольство, беспринципность приводят к беспечности, а значит — к потере политической бдительности.

Не перевелись еще такие работники, которые, стремясь приукрасить положение, рапортуют о выполнении производственных планов раньше действительного их выполнения. Для того, чтобы поскорее выдвинуться, покрасоваться хотя бы на момент, иной раз и неплохие руководители идут на фальшь, на обман государства. А уж вокруг таких руководителей-карьеристов вьются подхалимы, за спину которых так удобно прятаться всяким мерзавцам.

Бдительность несовместима с самодовольством и фальшью, несовместима с беспринципным стремлением оградить себя от критики, попыткой представить все свои дела «в лучшем виде». На Киевском маргариновом заводе долгое время орудовала группа воров и расхитителей социалистической собственности. Секретарь партийной организации завода инженер Е. Белов долгое время не обращал внимания на сигналы честных советских людей — работников завода, изобличавших жуликов. Когда же в газете «Киевская правда» был опубликован фельетон, разоблачающий воров, Е. Белов и тут не захотел признать ошибки руководства завода и тем помочь окончательно разоблачить преступников. Вместо этого он начал писать «опровержения» в редакцию газеты, в райком, горком и обком партии. А вскоре после этого группа расхитителей была арестована. Что теперь сможет сказать о своей «бдительности» и «принципиальности» этот отбивающийся от критики беспринципный разиня!

Есть еще у нас такие люди, которые в угоду начальству готовы считать черное белым, которые легко и просто, по семи раз на день, готовы менять точку зрения, руководствуясь при этом подленькой обывательской «философией» одного из героев сатирического стихотворения Маяковского: «Мненье — это не именье, потерять его не страшно». Но, охотно теряя мнение, такие люди вместе с ним неминуемо теряют авторитет, теряют уважение окружающих и, в конце концов, приходят к полному краху. У нас в стране не терпят беспринципных приспособленцев, держащих нос по ветру!

Говоря об одном работнике, которого в свое время освободили от должности, товарищ Сталин заметил:

— Что в нем плохо? Прежде чем ответить на какой-либо вопрос, он прямо-таки по глазам старается угадать, что нужно ответить, чтобы не получилось невпопад, как сказать, чтобы угодить. Такой человек, сам того не желая, может принести большой вред делу.

— Если вы твердо убеждены, — говорит товарищ Сталин, — что правы и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайтесь с чьими-то мнениями, а действуйте так, как вам подсказывает ваш разум и ваша совесть.

Эти мудрые сталинские слова характеризуют советского человека, убежденного в своей правоте, готового до конца отстаивать свои убеждения. Это качество, необходимое каждому советскому человеку, нашло глубокое отражение в принятом XIX съездом Уставе Коммунистической партии Советского Союза.

И в среде литераторов можно встретить людей беспринципных, руководствующихся в своих поступках не интересами развития литературы, а мелкотравчатыми групповыми интересами. Такие люди стремятся подменить деловое обсуждение тех или иных принципиальных вопросов литературы, обывательской драчкой, склокой, нередко защищая при этом в угоду своей «группе» вредные, чуждые советской культуре теоретические положения, поддерживая неверные тенденции в творчестве тех или иных писателей. С проявлениями групповщины необходимо бороться решительно и неустанно, носителей групповых взглядов в литературе необходимо разоблачать всегда и везде.

Мы живем в эпоху великих свершений, в эпоху напряженной и острой борьбы за коммунизм. Эта борьба требует от каждого из нас, советских людей, бдительности и энергии, высокой сознательности и бесстрашной принципиальности. «Больше внимания друг к другу, острая и беспощадная ненависть к врагам — вот чего требует борьба, вот что дает победу», — говорил Алексей Максимович Горький.

Безграничная преданность Родине, партии Ленина — Сталина, глубокая принципиальность во всем, что касается интересов государства, высокая политическая бдительность — таковы качества, определяющие облик советского человека, смелого борца, строителя нового мира.

В Академии наук СССР

Вчера в Москве окончилось продолжавшееся три дня общее собрание Академии наук СССР.

Выступивший с докладом президент Академии наук СССР академик А. Несмеянов сказал, что советские ученые призваны принять самое активное участие в осуществлении величественной программы строительства коммунизма в нашей стране. Президент подробно охарактеризовал основные направления развития различных отраслей науки в пятой пятилетке. Значительная часть доклада была посвящена задачам в области экономических, философских, исторических наук, вытекающим из труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

— Важнейшая задача ученых, — сказал докладчик, — разоблачать антимарксистские взгляды, вести неустанную борьбу с буржуазной лженаукой, служащей поджигателям войны. Мне хочется напомнить о патриотическом долге ученых — всемерно повышать бдительность на всех участках нашей работы, решительно бороться против ротозейства, в результате которого в течение долгого времени оставалась неразоблаченной подлая банда врачей-отравителей, продавшаяся иностранной разведке.

Член-корреспондент Академии наук СССР П. Юдин сделал доклад — «Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — основа развития общественных наук».

После обсуждения докладов общее собрание приняло постановление, в котором призывает советских ученых сосредоточить все свои силы, опыт и знания на скорейшем решении поставленной XIX съездом партии основной задачи советской науки — занять первое место в мире.

Общее собрание потребовало от руководителей научных учреждений Академии наук всемерного усиления политической бдительности, непримиримости к малейшему проявлению ротозейства и беспечности.

С огромным воодушевлением участники общего собрания Академии наук СССР приняли приветствие товарищу И. В. Сталину.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1. Сойдя с поезда и сделав сотню шагов, человек, приехавший в Сталинград, вступает на площадь Павших борцов.

Вот она, главная площадь города-героя. Ныне ее окружают здания партийной школы, драматического театра, центрального универмага и строящиеся корпуса почтамта, гостиницы, дома строителей ГЭС. Отсюда, с площади, взору открывается ширь Волги, отсюда можно выйти к набережной, по великолепной гранитной лестнице спуститься к реке.

Как изменилось все вокруг!..

И невольно возникает в памяти суровая картина этой же площади десять лет назад: тогда, в ясный февральский день, она была окружена опаленными огнем руинами, изрыта бомбами и снарядами, забита табунами вражеских машин, мертвыми трамвайными вагонами, из глубокого снега торчали трупы гитлеровцев, немецкие каски, лохмотья шинелей...

Помнится, в тот день на митинге, радуясь великой победе, защитники города в то же время скорбели всем сердцем, видя израненный, обугленный город, выглядевший так, словно над ним пронеслась буря неслыханной силы, словно он был истолчен в гигантской ступе. Один из выступавших на митинге, рабочий Судоверфи Сиднев, от имени горожан дал клятву, что Сталинград будет восстановлен.

Не все верили, что это будет скоро.

— Полвека строить надо, — говорили люди, невесело оглядывая насмерть поваленные дома, пепелища да руины.

Да, города не было, не было ни одного уцелевшего, «счастливого» дома. Не было знаменитых заводов Сталинграда, поселков; улицы и трамвайные пути завалило щебнем, их разворотили бомбы и снаряды. Враг уничтожил плоды многолетнего народного труда.

Вряд ли кто-либо из нас, видевших город в первые дни после разгрома гитлеровцев, предполагал, что не пройдет и нескольких лет, как Сталинград поднимется на крутом волжском берегу трубами своих возрожденных заводов, громадой новых белостенных зданий, станет столицей двух великих строек коммунизма!..

Силой народной любви, заботой партии и правительства Сталинград возрожден из руин и пепла. Сегодня на шестьдесят километров раскинулся вдоль излучины великой реки город-боец, город-труженик. Вновь дружно дымят трубы его прославленных заводов; во все концы нашей страны идут сталинградские тракторы, сталь, экскаваторы, нефтекачалки... Город бурно растет, появились новые улицы в центре, похорошели заводские поселки.

Все явственнее вырисовываются контуры нового города, того Сталинграда, которого не знали и старожилы. К десяткам старых заводов прибавились новые; к педагогическому, механическому и медицинскому институтам добавились сельскохозяйственный, институт инженеров городского хозяйства, лесной техникум...

Город украсился зданиями кинотеатра «Победа», областной партийной школы, Дворца культуры на СТЗ, Дома инженера на «Красном Октябре», многоэтажными домами у набережной, в центре города и на окраинах. Намного просторнее и краше стал почти заново построенный драматический театр. Скоро будут достроены Дворец труда, вокзал, планетарий...

...Вскоре после окончания боев в Сталинград стали поступать письма от воинов, рабочих, колхозников, учащихся из Сибири, Приморья, Казахстана, Грузии. Они писали, каким бы им хотелось видеть Сталинград, в котором многие из них никогда не были. Авторы писем не обладали архитектурными знаниями, их письма не содержали инженерных расчетов, но сколько в них было горячей народной любви к городу-герою!

Едва отгремели бои, как вся страна вновь пришла на помощь разрушенному городу. Поезда везли Сталинграду стекло, архангельский лес, уральские станки, донецкий уголь, сборные дома из Карелии, цемент из Вольска...

Каждый новый цех, новый дом, новый сквер — это яркая страница мужества сталинградцев, их любви к родному городу.

Кто бывал в Сталинграде в 1943—1944 годах, знает, как было трудно жить в разрушенном городе: люди селились в брезентовых палатках, в подвалах, в наскоро построенных бараках, в блиндажах и землянках и, стойко перенося трудности, самоотверженно строили цехи СТЗ, «Красного Октября»...

Более 15 миллионов часов отдали сталинградцы во внеурочное время делу восстановления родного города. После трудового дня рабочие, служащие, инженеры, артисты, педагоги, студенты брали лопаты, кирки, топоры, расчищали площадки для новых зданий, сажали деревья, пилили, строгали доски, перетаскивали кирпичи, шлак, не чурались никакой черной работы.

В город по призыву комсомола прибыло свыше 25 тысяч юношей и девушек — добровольцев для восстановления Сталинграда. В их путевках было написано: «Комсомол поручает тебе поднять из пепла город, разрушенный врагом, и ты не должен знать отдыха, не должен покидать строительных лесов и площадок, пока наш Сталинград снова не станет красивым и цветущим».

Первому своему кинотеатру сталинградцы дали имя «Победа», лучшую свою улицу назвали улицей Мира.

Победа и мир — цель их героических усилий.

2. В здании драматического театра идет слет строителей города.

Мы осматриваем в фойе интересную выставку; фотографии, макеты раскрывают красочную картину завтрашнего дня Сталинграда. Секретарь обкома партии И. Т. Гришин, указывая на эскизные проекты, говорит:

— Вот это здание сельскохозяйственного института уже строится. Этот семиэтажный жилой дом, — показывает он на другой проект, — тоже строится. И вот, — показывает он на проект планетария, — скоро будет отстроен.

Для сегодняшнего Сталинграда весьма характерен этот быстрый переход архитектурных композиций, чертежей с хрустящей кальки на живую землю.

Сейчас город стал крупнейшей в стране строительной площадкой. Рожденный в долгих поисках, облик нового Сталинграда вырисовывается все явственней. Все, что говорили на слете строителей главный архитектор города тов. Симбирцев и секретарь обкома партии тов. Гришин, казалось сказкой. Но все участники слета — каменщики, плотники, машинисты подъемных кранов, прорабы и архитекторы, — все твердо верят что все, намеченное планом, будет сделано!

Сталинград, расположенный на высоком берегу Волги, на многочисленных холмах и склонах, террасой спускающихся к реке, кажется, самой природой назначен быть красивейшим городом. Он будет таким!

Сталинградцы строят величайшую в мире городскую магистраль. Вдоль берега Волги прокладывается 60-километровый проспект имени Сталина, шириной в 80 метров. Проспект соединит центр города с южной и северной окраинами, свяжет между собой все городские площади; первая очередь проспекта — 18 километров. Строителям предстоит проложить проспект через глубокие овраги, ликвидировать многочисленные объезды и повороты. Проспект будет застроен красивыми 5—7-этажными домами. Посредине проспекта, по всей его длине, протянутся бульвары, парки и сады. Поперечные улицы будут открывать выход на Волгу.

В мировой практике градостроительства не было ничего похожего на проспект в Сталинграде. Сооружение проспекта — главное в пятилетке строительства города. Проспект берет начало от площади Дзержинского, возле проходных ворот СТЗ, далее он идет мимо поселка завода «Красный Октябрь». Разбитый здесь сквер длиной в 2 километра с новым зеленым массивом, а также красивые большие дома, строящийся Дворец культуры металлургов органически слиты с перспективой магистрали. На площади у завода «Красный Октябрь» намечено соорудить памятник сталевару Ольге Ковалевой — славной патриотке, павшей в бою с врагом у Мокрой Мечетки. Ближе к центру города, у подножия Мамаева кургана, будет парк культуры и отдыха и центральный стадион на 40 тысяч человек.

На площади Обороны сталинградцы воздвигнут бронзовый монумент Солдату Сталинграда, а неподалеку, у водокачки, соорудят памятник героям переправы.

В центре города вырастет ансамбль крупных зданий, объединенный на площади Павших борцов 21-этажным Домом Советов — центральным высотным зданием города. Творческим коллективом под руководством Л. В. Руднева уже составлен проект Дома Советов.

Площадь Павших борцов смыкается с аллеей Героев; вдоль этой аллеи среди зелени и фонтанов будут установлены бронзовые бюсты героев Сталинградской битвы.

Проспект завершается в южной части города монументом Сталина, возвышающимся у входа в Волго-Донской канал. Параллельно проспекту Сталина строится вторая продольная улица.

От долины реки Царицы до подножия Мамаева кургана, над берегом Волги, поднимется парк Победы, в центре его будет установлен грандиозный монумент Победы. На территории парка намечено построить новое здание Музея обороны Царицына — Сталинграда, а на вершине Мамаева кургана — здание панорамы Сталинградской битвы. Группа скульпторов во главе с Е. Вучетичем работает над памятником на Мамаевом кургане.

Расширяется «зеленое кольцо» вокруг города, к зеленому кольцу прибавится обводнительный канал.

Не только архитекторы, но и все сталинградские горожане увлечены завтрашним днем своего города.

В Сталинграде сейчас серьезно обсуждают идею строительства города и на левом берегу Волги. Идея эта состоит в том, чтобы построить от центра города через Волгу два моста, которые соединят правый и левый берега, свяжут город с зеленым массивом Заволжья — будущим дачным районом Сталинграда. Мы не знаем, как скоро будет осуществлено это, но прекрасна сама идея, в основе которой — глубокая забота о человеке.

В Сталинграде еще много следов великой битвы, тяжкой осады. Но самые большие трудности далеко позади. Расцвела земля города-героя, летом хороши его скверы и парки, повсюду, от края до края, поднимается буйно и неудержимо зелень молодых деревьев, закрывая пепелища и пустыри.

Но и это только начало перемен и преобразований. Земля Сталинграда — на границе засушливого юго-востока первая принимает на себя удары суховеев. Ныне здесь проходят шесть государственных лесных полос, закладываются большие дубравы промышленного значения, строятся мощная гидростанция и Сталинградское море, а в Заволжской степи прокладывается канал Волга — Урал.

Так же, как и во время обороны Царицына, в годы первой сталинской пятилетки, в дни сталинградского сражения, так и ныне, в послевоенные годы, Сталинград — на переднем крае борьбы за счастье народов.

3. Я не мог уехать из Сталинграда, не совершив путешествия по кольцу окружения, не побывав в памятных местах сталинградской победы — в районе сарпинских озер Цаца и Барманцак, южнее Сталинграда. Здесь началось победное движение танков и мотопехоты генерала Вольского к Дону; соединившись у Калача с танкистами генерала Кравченко, они замкнули стальное кольцо вокруг ударной 330-тысячной группировки неприятеля.

...Позади остался покрытый льдом Волго-Дон, заснеженные шлюзы и насосные станции, зеркала водохранилищ, где мальчишки катаются на коньках. Степь, покрытая щетинистой травой, как и тогда, в дни наступления в ноябре 1942 года, слегка запорошена бурым снегом. В черных проталинах заметны старые огневые позиции нашей артиллерии. Справа и слева — озера с пологими, заросшими камышом, берегами. Чернеет дорога, идущая меж озер, — это и есть дорога, по которой 20 ноября 1942 г., после жестокой артиллерийской грозы, двинулись в прорыв танкисты и мотопехота генерала Вольского.

Память бережет дни, предшествовавшие победе. Вспоминаются танкисты, несколько суток не вылезавшие из танков («ревматизмом обеспечены на всю жизнь», — полушутя, полусерьезно говорил генерал Вольский), усталые артиллеристы, на руках тащившие орудия по глубокому снегу («у солдат красные полосы на плечах от ремней и веревок», — сказал командир дивизиона майор Рогач). Леса крестов на немецких кладбищах за городом — свидетельство тяжких потерь врага при штурме Сталинграда: час окончательной расплаты, когда гитлеровское командование отказалось капитулировать и наша артиллерия обрушила на врага огонь возмездия, а пехота жала гитлеровцев к Волге, к которой они так стремились...

А потом — приказ прекратить стрельбу и послать от каждого батальона парламентеров с красными флагами в расположение противника. Длинные колонны пленных, грязных, небритых, изголодавшихся, пожравших в окружении всех лошадей, кошек и собак, — они шли, подняв воротники серо-зеленых шинелей, пряча от обжигающего холодного ветра обмороженные носы и уши. И сурово смотрел израненный город в глаза убийцам, виновникам его мук.

Встают в памяти яркие костры в темноте морозной ночи и возле них наши солдаты в полушубках, в белых халатах, смертельно уставшие, но возбужденные радостью славной победы. Солдаты понимали значение сталинградской победы. У Абганерово, догнав колонну наших танков, мы спросили у танкиста, высунувшего голову из башни:

— Куда двигаетесь?

Танкист с сияющей улыбкой на закопченном и усталом лице ответил почти точно:

— На Берлин, вот куда...

И еще хранит память: сотни наших врачей и солдат спасают раненых и обмороженных немцев, оборудуют для них госпитали в подвалах.

В подвале школы на Даргоре я встретил тогда пожилую женщину — работницу лесозавода. Заняв Даргору, гитлеровцы расстреляли ее мужа, раненого бойца истребительного отряда. Три месяца назад она похоронила мужа во дворе своего домика, а сегодня помогает нашим врачам ухаживать за ранеными немцами. Это ли не яркое свидетельство гуманизма советских людей!..

* * *

Поезд из Сталинграда в Москву отходит ночью. За окнами на десятки километров вдоль Волги сверкают огни.

Из окна поезда пассажиры смотрят на огни Сталинграда и ведут неторопливый, задушевный разговор о городе, его нынешних буднях, его завтрашнем дне.

Так говорят люди о том, что им особенно дорого и близко, что навсегда вошло в их жизнь.

Слово о Сталинграде можно услышать в любом уголке нашей страны, и далеко от нее, в любой стране мира, — люди знают, чем они обязаны Сталинграду. На всех языках и наречиях эти слова ручейками вливаются в океан любви к городу-герою.

В купе с нами — молодой парень, техник со стройки ГЭС. Он едет домой в Ново-Анненскую, где у него заболела мать. Техник с увлечением говорит о Сталинграде, как о своем родном городе.

— Скорее бы сломать деревянные домики и побыстрее построить каменные, прочные — на сотни лет!

Я слушаю горячую речь молодого человека, и передо мной возникают живые картины сегодняшнего Сталинграда: обелиск на Мамаевом кургане — скорбное лицо медицинской сестры в плащ-палатке и с венком в руках, отдающей почести павшим воинам; зеленые танки «Т-34», вознесенные на каменные постаменты и, как часовые, охраняющие покой павших героев; десятки кранов над стройками; панорама заводов-богатырей на северной и южной окраинах; линия высоковольтных передач через Волгу; малая Сталинградская ГЭС — прообраз строящейся гидроэлектростанции; мощные земснаряды, намывающие плотину на Песчаном острове; юные лесополосы, идущие от Мокрой Мечетки до Камышина...

И над всем гигантским городом, над водами Волги и Волго-Дона, над широкими просторами Заволжья на фоне голубого сталинградского неба высится монумент великого человека, имя которого носит славный город. Исполненная величия и мужественной простоты фигура И. В. Сталина — гениального полководца, организатора крупнейшей в истории войн победы, мудрого зодчего коммунизма, видная на десятки километров, олицетворяет величие сталинских побед на берегу Волги, у стен Царицына — Сталинграда. Летом здесь, у входа в канал, неописуемо красиво. Волны, набегая на берег, поют вечную песню подвигу Сталинграда. Волга несет через всю Россию любовь к дорогому всем нам великому и славному городу.

В. КОРОТЕЕВ

СТАЛИНГРАД

Всесоюзное совещание редакторов альманахов

Около 70 литературно-художественных альманахов издается местными писательскими организациями только на русском языке. Неоценима роль альманахов в деле собирания литературных сил, в развитии нашей художественной литературы. Альманахи вырастили и воспитали немало теперь уже широко известных всесоюзному читателю писательских имен. На страницах альманахов впервые были напечатаны многие произведения, ставшие ныне гордостью советской литературы.

На днях закончилось Всесоюзное совещание редакторов литературно-художественных альманахов и руководителей местных писательских организаций, созванное Союзом советских писателей СССР и Главполиграфиздатом.

Совещание наглядно продемонстрировало широту литературного процесса в нашей стране. Оно показало также, какие могучие резервы таит советская литература в лице молодых писателей краев и областей.

Вместе с тем совещание выявило и ряд серьезных недостатков в работе местных писательских организаций, в постановке воспитания молодых литераторов, во взаимоотношениях с издательствами и т. д.

В работе совещания приняло участие свыше 100 человек, прибывших с мест, московские писатели, критики, представители издательств.

Совещание заслушало доклад А. Софронова «О состоянии альманахов и мерах по их улучшению» и сообщения редакторов ряда альманахов.

Поэзия, проза, драматургия, очерк, публицистика, критика были проанализированы в обзорных докладах К. Паустовского, С. Смирнова, В. Полторацкого, Ю. Королькова, Т. Трифоновой, Е. Леваковской, А. Бруштейн, С. Бабенышевой.

Достоинством совещания следует признать то, что на нем в центре внимания были поставлены вопросы **творческие**, вопросы качества литературной продукции.

Отмечая отдельные удачи местных писателей, совещание заострило внимание на еще не преодоленных недостатках, изъянах в работе, отметив, что нередко, а в некоторых альманахах довольно часто публикуются произведения серые, невыразительные, находящиеся на низком идейно-художественном уровне.

Было отмечено также, что вместо того, чтобы развивать у писателей высокую требовательность к себе, направлять их на решение главных вопросов, поставленных перед советской литературой, редакции альманахов проявляют пагубный либерализм, благодушие, безответственность в работе над рукописью. Это сказалось, в частности, в работе редколлегии альманаха «Енисей» над романом Н. Устиновича «Маяк в степи»; так поступила редакция альманаха «Сталинский Кузбасс», напечатав слабый роман А. Волошина «Дальние горы»; альманах «Дон» опубликовал незрелую поэму А. Рогачева «Павел Костров».

Чаще всего писатель терпит поражение там, где он неглубоко, поверхностно знает жизнь, где он пытается подменить активное отношение к действительности готовыми схемами и литературными ухищрениями. Об этом говорили Е. Златова в докладе о связи альманахов с жизнью края, И. Котенко в своем выступлении о произведениях, посвященных колхозной тематике.

Участники совещания отмечали низкий уровень литературной критики в альманахах, для которой все еще характерны потеря чувства масштабности, захваливание и вкусовщина. Были затронуты вопросы о квалификации кадров редакторов, о борьбе с халтурой, об оформлении альманахов и т. д.

Редколлегии альманахов мало печатают пьес, еще меньше — статей по вопросам драматургии, театрального искусства. Отмечалось и явное невнимание альманахов к жанру сатиры.

В ряде выступлений (Н. Грибков, В. Стариков, Ф. Дворянов, В. Петров, И. Егоров) содержалась критика Главполиграфиздата. Д. Ковалев, А. Елисеев и другие высказали серьезные упреки в адрес ССП СССР и его комиссий.

Участники совещания заслушали лекции проф. А. Ефимова «Труды И. В. Сталина по языкознанию и вопросы языка в художественной литературе», В. Озерова «Проблема типичности в литературе», Н. Замошкина «О редактировании художественных произведений», Т. Вебер «О художественно-техническом оформлении альманахов».

В конце совещания состоялись беседы участников с редакторами журналов «Звезда» — В. Друзиным, «Знамя» — В. Кожевниковым, альманаха «Год XXXVI» — Л. Кудреватых, с редколлегией «Литературной газеты», а также членами секретариата ССП СССР.

Совещание приняло практические решения, направленные на улучшение работы альманахов в краях и областях СССР.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Каменщик — на кафедре университета.** В Казанском университете имени В. И. Ульянова (Ленина) выступил с лекцией знатный каменщик города Г. Калачев. Совместно с инженером Б. Маркелычевым он разработал новый метод кладки кирпичных стен звеном «четверка».

* **Беседы о книгах.** Работники Государственной библиотеки Латвийской ССР проводят на агитпунктах Риги библиографические лекции-обзоры. Сотни избирателей прослушали лекции о творчестве писателей — лауреатов международных Сталинских премий. Лекции иллюстрировались чтением отрывков из произведений И. Бехера, И. Эренбурга и других выдающихся борцов за мир.

* **200 «литературных сред».** Во Дворце культуры Московского автозавода имени Сталина состоялась двухсотая «литературная среда», на которой присутствовало 1.300 автозаводцев. За шесть лет на «литературных средах» побывало около 50 тысяч рабочих, служащих, инженерно-технических работников и членов их семей.

* **«Наш край — в литературе».** Владимирская областная библиотека имени А. М. Горького открыла постоянную выставку «Наш край — в литературе». Выставка знакомит с прошлым и настоящим области и является подсобным материалом для пропагандистов, агитаторов, а также студентов, изучающих родной край.

* **Памяти Николая Бэлческу.** Исполнилось 100 лет со дня смерти выдающегося румынского революционера-демократа и ученого Николая Бэлческу. В ВОКС состоялось пленарное заседание секции общественных наук, посвященное памятной дате. С докладом о жизни и деятельности Н. Бэлческу выступил академик Е. Тарле.

ПОЛЬЗУЯСЬ РОТОЗЕЙСТВОМ...

Г. АЛЕКСАНДРОВ,
государственный советник юстиции 3 класса

Враги прибегают к самым гнусным и коварным методам борьбы, чтобы нанести вред Советскому государству. Используя любую лазейку, любой промах наших людей, они пытаются создать свою агентуру в СССР, вовлечь в нее неустойчивые, разложившиеся элементы, носителей буржуазных взглядов и буржуазной морали, скрытых врагов народа.

Известно, что преступная беспечность и благодушие некоторых советских людей, их ротозейство являются той лазейкой, которую особенно охотно использует враг. Именно ротозейство является питательной почвой для вредительства. Можно не сомневаться, что, пока есть у нас ротозейство, будут и вредители, следовательно, чтобы ликвидировать вредительство, надо покончить с ротозейством в наших рядах.

Ротозейство — весьма опасная болезнь. Она открывает двери наших организаций, предприятий и учреждений для возможного проникновения вражеской агентуры. Хищение государственных средств является для нее одной из форм вредительства, подрывной деятельности.

Приведем несколько случаев, когда преступная беспечность иных руководителей дала возможность темным людям расхищать государственные средства, проникать в самые различные учреждения, получать доступ к источникам важных государственных сведений.

Некий Мурлыкин, несколько лет назад осужденный за кражу и мошенничество, отбыв наказание, приехал в Донбасс. Предъявив диплом об окончании им Донецкого индустриального института, он попросился на работу в трест «Донуглеобогащение». Ротозеи из треста не придали значения даже тому факту, что на дипломе Мурлыкина почему-то стояла печать Азербайджанского геологоразведочного техникума.

Проходимец был принят на работу, и с этого момента начинается его «головокружительная карьера». Он назначается вначале директором обогатительной фабрики «Юнком», затем директором Ново-Узловской центральной обогатительной фабрики и сменным инженером Никитовской обогатительной фабрики. Совершив ряд преступлений, он неожиданно оставил работу в тресте, не распрощавшись даже со своими «благодетелями», и отбыл, как говорится, в неизвестном направлении.

Проходит некоторое время, и Мурлыкин появляется в Казахстане на посту начальника обогатительной фабрики одного из комбинатов Министерства черной металлургии СССР. Некоторое время он исполняет обязанности главного инженера комбината. И здесь его деятельность была устремлена только в одном направлении — на расхищение народных средств. Он получает обманным путем — под предлогом оказания технической помощи колхозам — более ста тысяч рублей и вновь исчезает.

В течение небольшого отрезка времени Мурлыкина можно было встретить в разных концах нашей страны, на различных должностях и под разными фамилиями. Переезжая из города в город, он с удивительной легкостью устраивается на облюбованных им должностях. Мурлыкин едет на Украину, и вот он главный инженер Каменского торфопредприятия. Мурлыкин приезжает в Среднюю Азию, и ему предоставляются должности: то главного инженера шахты № 8 треста «Узбекуголь», то главного инженера шахты № 6 Кзыл-Кия (Киргизия). Мурлыкин появляется в Феодосии и Кишиневе, в Астрахани, Симферополе и Гурьеве. Он был Хмельницким, Мурашкиным, Невским, Коноваловым, Корфом. В начале прошлого года под фамилией Ротенбергского он работал в Грузии инженером треста «Ткварчельшахтстрой». Только в Майкопе при поступлении на очередную работу он был, наконец, разоблачен.

Таков длинный путь преступлений, совершенных этим проходимцем, мошенником, вредителем. И, к сожалению, на этом пути ему попадалось много людей беспечных, ротозеев, предоставивших Мурлыкину широкую возможность безнаказанно расхищать крупные государственные средства. Руководители ряда хозяйственных учреждений предоставляли проходимцу, кроме того, возможность изучать деятельность предприятий угольной промышленности. Ротозеям, как видно, не приходила в голову мысль, что, не соблюдая при назначении Мурлыкина элементарных требований проверки, они тем самым предоставляли ему и доступ к важным документам, имеющим отношение к нашей экономике.

А между тем выяснилось, что Мурлыкин — человек, враждебно относящийся к советскому строю. Именно такие люди представляют интерес для вражеской агентуры и являются ее резервом.

К такой же категории врагов относится и некий Майоров, которому не в меру доверчивые люди предоставили несколько лет назад ответственный пост в Министерстве просвещения Дагестанской АССР. Много злоупотреблений совершил Майоров, пока не был разоблачен, но ему удалось скрыться.

Подобно Мурлыкину, Майоров начал кочевать по стране и, пользуясь подложными документами, подвизался в самых различных учреждениях, где неизменно совершал хищения. Беспечность ротозеев дала ему возможность не раз занимать ответственные посты. Когда Майоров был арестован, у него нашли десятки подложных документов, в числе которых были два диплома об окончании педагогических институтов, десятки чистых бланков со штампами и печатями различных учреждений.

Когда следственные органы выясняют, каким образом подобные темные люди, как мурлыкины и майоровы, проникают в советский аппарат, они обнаруживают факты, вызывающие возмущение и негодование. Выясняется, что иной раз преступникам не приходится даже прибегать к каким-то сложным махинациям. Фальшивый документ, настолько грубо сфабрикованный, что в нем мог бы разобраться каждый; «приятное впечатление», произведенное при личной беседе, подчас просто телефонный разговор — и желаемое достигалось.

Один из преступников, некий К., действовал именно так — по телефону. Для того, чтобы проникнуть в учреждение, он звонил кому-либо из его руководителей и называл себя приехавшим с периферии ответственным работником. Во время телефонного разговора преступник просил принять по какому-либо вопросу другого будто бы приехавшего вместе с ним менее ответственного работника, называл его имя, фамилию. Явившись затем под этим именем и фамилией в учреждение и имея «телефонную рекомендацию» ответственного работника с периферии, он без особого труда осуществлял свои преступные махинации.

Враг пользуется и более хитроумными способами проникновения в советский аппарат. Требуется настоящая революционная бдительность, соблюдение всех правил, предусмотренных при проверке вновь поступающего на работу. Жизнь показывает, что враг, проникнув даже на весьма скромную должность, получает возможность нанести серьезный ущерб государству.

Об этом забыли, например, руководители Ново-Покровского райисполкома Саратовской области и жестоко поплатились. Некто П. Мушинский после освобождения из места заключения приехал в Ново-Покровский район и решил развернуть здесь свою деятельность. Для начала он устроился экспедитором в один из колхозов. С легкой руки местных ротозеев он развил энергичную деятельность, снабжая колхозы и различные районные организации строительными и лесными материалами.

Не интересуясь по-настоящему ни личностью Мушинского, ни тем, как он добывает эти материалы, председатель райисполкома Л. Лопаскин и секретарь райисполкома М. Морозов снабдили его документом о том, что ему «поручается приобретение, приемка и отгрузка в адрес отдела сельского и колхозного строительства лесных и других строительных материалов».

Так колхозный экспедитор превратился в уполномоченного райисполкома, причем не только одного Ново-Покровского. Подобный же документ выдал ему и Казачкинский райисполком той же Саратовской области.

И вот Мушинский начинает «оперировать». Он получает от колхозов, потребительских обществ и других районных организаций крупные денежные суммы. В банке в распоряжение Мушинского предоставлен текущий счет колхоза «Стахановец», с которого он получает деньги по предъявительским чекам. Бланки чеков так же любезно были предоставлены «уполномоченному».

«Скромный» колхозный экспедитор проникает на предприятия Саратова, вовлекает в преступления некоторых работников и начинает сбывать колхозам и другим организациям строительные материалы, похищенные у этих же предприятий. Проходимец и авантюрист получил наряду с тем возможность выяснить характер многих промышленных предприятий области. Ему был открыт доступ к служебным документам.

Вражеская агентура пользуется такими людьми. Нередко, как мы писали выше, расхитителями социалистической собственности оказываются скрытые враги народа — агенты иностранных разведок. В Башкирской АССР длительное время орудовала группа расхитителей. Когда она была разоблачена, выяснилось, что во главе ее находились классовые враги. Один из них был в прошлом крупным скотопромышленником, второй — белогвардейцем и т. д. Хищения для них являлись не чем иным, как методом мести, вредительской, подрывной деятельности.

Товарищ Сталин указывает, что вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже. Это обязывает советских людей проявлять высокую бдительность, распознавать и разоблачать преступную деятельность расхитителей народного добра.

Ротозеи опасны потому, что легко попадаются на уловки врага, они оказываются неспособными разоблачать вражеские происки.

С ротозейством нужно решительно бороться.

Сразу после освобождения Сталинграда в этом полуразрушенном здании (снимок слева) открылась школа. Ее директором была назначена Полина Тихоновна Бурова — участница обороны города-героя.

Сегодня П. Т. Бурова, заслуженная учительница РСФСР, продолжает воспитывать юных сталинградцев в новом, светлом и просторном здании школы (снимок справа).

Фото Г. ЗЕЛЬМА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НЕ ТОЛЬКО МОЙ ЛИЧНЫЙ ВОПРОС...»

13 ноября 1952 года под таким заголовком было опубликовано письмо инвалида С. Евстигнеева и редакционное примечание к письму. В этих материалах критиковались руководство протезной промышленностью — за бесхозяйственное отношение к производству протезов конструкции лауреата Сталинской премии В. Кононова — и дирекция Московского протезно-ортопедического завода имени К. Маркса — за формальный, стандартно-«количественный» подход к обслуживанию инвалидов.

Заместитель министра социального обеспечения РСФСР тов. Козлов сообщил редакции, что коллегия министерства обсудила эти материалы и признала критику совершенно правильной. Коллегия обязала Главпротез, Институт протезирования и директоров предприятий устранить отмеченные газетой недостатки. Решено организовать при Московском протезно-ортопедическом заводе специальную бригаду по сборке, подгонке и выдаче инвалидам протезов конструкции Кононова.

Руководители Московского протезно-ортопедического завода имени К. Маркса также откликнулись на выступление газеты. Опубликованные материалы, сообщается в письме, «помогли коллективу завода вскрыть ряд недостатков, связанных с изготовлением протезов». Сейчас на этот участок работы поставлены опытные врачи, техники и слесари-сборщики, которые получают необходимый инструктаж непосредственно от тов. Кононова, бывающего на заводе два раза в неделю. Отдел технического контроля тщательнее стал проверять качество выпускаемой продукции.

«ПЛОХОЙ ПОДАРОК МАЛЫШАМ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» от 5 декабря 1952 года было помещено письмо Б. Видищева о низком качестве стихотворных переводов в книге И. Гришашвили «Маленьким друзьям».

Директор Детгиза К. Ф. Пискунов сообщает, что письмо Б. Видищева обсуждалось на общем редакционном совещании издательства. Редакционное совещание признало критику правильной. При переиздании стихов И. Гришашвили будут учтены недостатки, отмеченные в «Литературной газете». Детгизом сделаны выводы о необходимости повышения требовательности к качеству переводов.

ФЕЛЬЕТОНЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Сценарий с конфликтом

Мы искренне и глубоко убеждены, что возможности нашей кинематографии используются до сих пор явно недостаточно. Особенно в области комедийного, сатирического жанра. Есть, например, в литературе такая острая сатирическая форма — фельетон. Его пишут литераторы, журналисты. Бывают, как видим, и «фельетоны читателей». Есть фельетоны, которые отлично звучат с эстрады. Имеется, наконец, музыкальный фельетон.

И нет, к сожалению, лишь кинофельетона.

Между тем, объектив киноаппарата, направляемый умелой рукой, может проникнуть в различные уголки нашей жизни и показать зрителям реальных чинуш и бюрократов, бездельников и вельмож, проходимцев и хапуг и печальные плоды их дел. Такие короткие кинофельетоны можно было бы выпускать в каждой киностудии. Нам думается, они бы пользовались немалым успехом у зрителей и — главное! — помогали бы искоренять зло.

Почему же все-таки нет на наших экранах кинофельетона?

— А сценарии где? — слышим мы знакомый вопрос Министерства кинематографии.

Да, сценариев, действительно, нет.

И для того, чтобы помочь Министерству кинематографии, мы скромно попытались написать сценарий одного кинофельетона. Его нам подсказала сама жизнь. Вот он.

«НЕУМОЛИМОСТЬ»

(Сценарий короткометражного кинофельетона).

Концертный зал в Киеве. Эстрадные герои — веселые друзья Тарапунька и Штепсель — выносят на сцену огромный бутафорский телевизор. В зале тушится свет и вспыхивает смех: на экране «телевизора» — злободневное обозрение жизни города.

(Киноаппарат движется в зал).

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ МАША (обращаясь к сидящему рядом парню): Вася, неужели это настоящее телевидение?

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (влюбленно глядя на подругу): Ничего подобного. У них там за экраном киноаппарат. Пускают заранее снятые кадры...

Но вдруг «телевидение» прерывается. В зале свет и недоумение.

На сцене появляется пожарник. (Крупным планом — голова пожарника, вежливо прикладывающего руку к каске).

ПОЖАРНИК (официально, но все же сочувственно): Демонстрация фильмов, заснятых на широкую, легко воспламеняющуюся пленку в помещениях, специально для этого не приспособленных, воспрещена.

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (подруге): Он прав.

ТАРАПУНЬКА И ШТЕПСЕЛЬ (вместе, растерянно): Как же нам быть?

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ: Пустяшное дело! Заменить широкую пленку на узкую, безопасную. В Москве, на копировальной фабрике Министерства кинематографии. Работы всего на час. (Затемнение).

Москва. Служебный кабинет заместителя министра кинематографии СССР тов. Плетникова. Перед ним представитель Укргосэстрады. Протягивает письмо.

Крупным планом — письмо: «ПРОСИМ СРОЧНО ПЕРЕВЕСТИ 200 МЕТРОВ ШИРОКОЙ ПЛЕНКИ НА УЗКУЮ...»

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ (с должным уважением): Очень просим...

ПЛЕТНИКОВ (читая, добродушно): Всего 200 метров? Это для нас пустяки...

Крупно — продолжение письма: «...НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ КОНЦЕРТА АРТИСТОВ ЭСТРАДЫ ТИМОШЕНКО И БЕРЕЗИНА».

ПЛЕТНИКОВ (изменившись в лице, разгневанно): Что?! Министерство кинематографии не намерено потакать всяким эстрадникам! (Негодующе указывает ошеломленному представителю на дверь).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ (униженно): Товарищ Плетников! Не для себя прошу. Для жанра, для сатиры. Зрители ведь ждут...

ПЛЕТНИКОВ (в цветном варианте — багровея): Ничего не знаю и знать не хочу!

Крупным планом — палец зам. министра, указующий на дверь. (Затемнение).

На фоне грустно опадающих листков календаря, попеременно, наплывом, разные должностные лица с телефонными трубками в руках.

...Заместитель председателя Комитета по делам искусств УССР тов. БОГОМАЗОВ: Просим!

...Министр кинематографии УССР тов. МАЗЕПА: Ходатайствуем!

...Заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам искусств тов. ТВЕРДОХЛЕБОВ: Помогите товарищам из эстрады!

...Председатель Всесоюзного комитета по делам искусств тов. БЕСПАЛОВ: Настоятельно прошу сделать!

...Общий вид кабинета Плетникова. В глубине за столом зам. министра с телефонной трубкой в руках. Строгое лицо.

ПЛЕТНИКОВ (неумолимо, всем должностным лицам): Нет. Нет. Нет. (Затемнение).

Киев. Перспектива строящегося Крещатика. Квартира в новом многоэтажном доме.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ МАША (обращаясь к мужу Васе — уже мужу!): Вася, когда же мы, наконец, досмотрим «телепередачу»? Ты же говорил мне до свадьбы, что переснять пленку — пустяшное дело...

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (хмуро, жене Маше — уже жене!): Бюрократизм, Маша, — не пустяшное дело...

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ МАША: Как же все-таки быть?

ВСЕЗНАЮЩИЙ ВАСЯ (впервые в жизни растерявшись!): Не знаю...

(Полное, абсолютное затемнение).

***

Вот и весь сценарий. За подлинность фактов ручаемся. Драматический конфликт — налицо. Просим Министерство кинематографии разрешить съемку этого кинофельетона. Только сразу на узкую пленку!

Ю. ТИМОШЕНКО,
лауреат Сталинской премии, заслуженный артист УССР.
Е. БЕРЕЗИН,
лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады

К. СИМОНОВ

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

(Окончание. Начало в № 14 от 31 января)

2. В ряде книг, статей и в ходе недавно закончившегося в Союзе советских писателей обсуждения основных вопросов изучения творчества В. В. Маяковского ясно выявились две тенденции.

Одна тенденция — это изучение наследия Маяковского, его жизни и творчества, изучение, зачастую не свободное от ошибок и промахов, но **изучение**.

Другая тенденция — «защита» Маяковского от изучения его, попытка заменить изучение признаниями в любви, иногда искренними, иногда неискренними, попытка заменить изучение славословием, соединенным в ряде случаев с не слишком благовидными намерениями — между делом, в групповых интересах, свести счеты со своими литературными противниками.

Разумеется, эта вторая тенденция вредна. Необходимо создать атмосферу нетерпимости к такому «изучению».

Необходимо четко отделить вполне естественные на всякой свободной научной дискуссии споры людей, искренне стремящихся наилучшим образом разрешить научные проблемы изучения Маяковского, от той беспринципной групповой возни, которая сразу же всплыла на поверхность, как только на трибуну совещания в Союзе писателей поднялся С. Трегуб, а вслед за ним — А. Колосков.

А. Колосков вместо того, чтобы ответить на критику своих работ, данную и в печати и прозвучавшую на совещании, вместо того, чтобы попытаться разобраться в своих ошибках и тем помочь делу дальнейшего изучения творчества Маяковского, по существу ничего не признал, отмахнулся от критики. Он обошел все проблемы, связанные с исследованием творчества Маяковского, и выступил на трибуне совещания как исследователь всех и всяческих тридцатилетней давности ошибок и заблуждений критика В. Перцова, который выпустил книгу с иными взглядами на проблемы раннего творчества Маяковского, чем взгляды А. Колоскова.

Не разобрав и не оспорив книгу В. Перцова по существу, А. Колосков выступил с утверждениями, имевшими единственную цель: не опровергнуть взгляды В. Перцова, а попытаться политически скомпрометировать его, поломать ему ноги на первой же книге его исследования о Маяковском, чтобы ему не повадно было писать вторую.

Таков был смысл выступления А. Колоскова. Такова вредная тенденция, свойственная всем групповщикам, неизменно стремящимся растоптать любую книгу, являющуюся покушением на их «монополию» в той или иной сфере.

О выступившем на совещании С. Трегубе прежде всего следует сказать, что он, вопреки своим претензиям числиться исследователем творчества Маяковского, на деле таковым не является. В его книге «Живой с живыми» есть всего одна статья «Поэтический памятник Ленину», которую можно рассматривать как попытку исследования. Однако попытка эта хотя и выигрывает на фоне таких статей С. Трегуба, как «Школа Маяковского», но не отличается ни новизной привлеченного материала, ни глубиной исследования поэтики Маяковского. Не следует зачеркивать всего, что написано в этой книге С. Трегуба; в ряде мест ее, посвященных конкретным явлениям советской поэзии, есть верные суждения и оценки. Но в целом эта книга есть проявление той, уводящей в сторону от существа дела, литературной шумихи, которой занимается С. Трегуб вокруг имени Маяковского уже многие годы.

Эта шумиха на совещании в Союзе писателей приобрела в устах С. Трегуба характер нечистоплотного жонглирования терминами в целях политической дискредитации своих литературных противников.

Прозвучавшие с трибуны совещания в Союзе писателей истерические попытки С. Трегуба обвинять всех налево и направо в нелюбви и недоброжелательстве к Маяковскому есть не что иное, как стремление, во вред подлинной традиции Маяковского, отторгнуть от Маяковского чуть ли не всю советскую поэзию и саморекламно выставить на первый план собственную, исключительную трегубовскую «любовь» к Маяковскому. Такую «любовь» к Маяковскому, оборотной стороной которой является недоброжелательство почти ко всей советской поэзии, нельзя назвать иначе, как любовью в кавычках.

Неоднократные попытки С. Трегуба, при помощи разговоров о необходимости буквального следования за формой Маяковского, заниматься прямым или замаскированным опорочиванием ряда крупнейших, неотъемлемо вошедших в сознание нашего народа явлений советской поэзии носят провокационный характер и преследуют цель изобразить двадцать три года существования советской поэзии после смерти Маяковского годами бедности и отсталости. Разумеется, в нашей поэзии было и есть много недостатков, мы должны, — и к этому обязывает нас пример Маяковского, — работать несравненно лучше, чем работаем сейчас, но изображать двадцать три года советской поэзии, как это пытается сделать С. Трегуб, годами бедности — никому не позволено, ибо это ложь!

Никто не ставит под сомнение дарования Николая Асеева, Семена Кирсанова или Михаила Луконина, но когда С. Трегуб в своей книге «Живой с живыми» пытается изобразить, что эти три поэта плюс Г. Горностаев и есть чуть ли не все подлинное освоение традиций Маяковского, то русская советская поэзия, сведенная к этим трем именам плюс Горностаев, выглядит действительно бедной, а традиция Маяковского — неосвоенной!

Никто не доставил больше помех широкому освоению традиций Маяковского советской поэзией, чем сектанты и начетчики типа С. Трегуба, чья критическая работа на практике в большинстве случаев сводилась к попыткам разъединить, растащить нашу поэзию и должна быть ясно и четко охарактеризована, как явление политически вредное.

Упоминая о попытках протащить на трибуну совещания в Союзе писателей групповые взгляды, следует остановиться на одном существенном моменте, в разной форме прозвучавшем и в речи С. Трегуба и в речи Семена Кирсанова, которого в остальных отношениях неверно было бы ставить на одну доску с С. Трегубом, но который в данном случае поддержал вреднейшую попытку С. Трегуба столкнуть лбами разные поколения литературоведов и критиков.

С. Трегуб, а вслед за ним и Семен Кирсанов допустили на совещании демагогические реверансы в сторону молодежи, заигрывали с ней, намекая на то, что старое и среднее поколения литературоведов не годятся, но, дескать, скоро придут новые, молодые люди с чистыми руками, которыми и можно будет прикоснуться к Маяковскому.

Сомнений нет: приходят и будут приходить молодые люди и будут заниматься творчеством Маяковского, и будут делать это честно и чистыми руками, рядом со многими людьми, которые честно и чистыми руками занимаются творчеством Маяковского сейчас.

Это несомненно, но это будет выглядеть не так, как, очевидно, представляется С. Трегубу. Не групповой борьбишкой будут заниматься эти молодые люди и не группочки, пытающиеся монополизировать изучение Маяковского, пополнят они собой, а пополнят фронт советского маякововедения, который будет и дальше расширяться, вопреки всем усилиям подобных С. Трегубу людей, зараженных болезнью групповщины.

Демагогические заигрывания с молодежью, льстивые предложения пригласить ее в «истинные судьи» с тем, чтобы потом, воспользовавшись ее неопытностью, попытаться прибрать ее к рукам в своих групповых интересах, — прием не новый, и следует прямо напомнить, что хороших примеров подобного заигрывания с молодежью, как ни ройся в памяти, не приведешь!

Наглядный пример того дурного влияния, которое на отдельных представителей литературной молодежи могут иметь подобные демагогические зазывания: «притти и рассудить», прозвучал на совещании в путаной речи молодого критика В. Огнева. В. Огнев, высказав несколько не лишенных интереса соображений по существу обсуждаемого вопроса, скатился затем на позиции групповой перепалки и позволил себе ничем не оправданные и грубо оскорбительные выпады против авторов книг, с концепциями которых он был не согласен.

Еще вредней влияние нравов групповщины сказалось на выступлении молодого критика В. Котова. В его речи на совещании, наряду с верными замечаниями о серьезных недостатках нашей поэзии, прозвучали столь зрелые демагогические приемы, что, судя по ним, он, несмотря на свою молодость, уже прошел первую закалку групповой борьбы. Прикрываясь демагогией, он стремился опорочить патриотическую работу целого ряда советских поэтов и огульно отказать им в следовании традициям Маяковского.

Говоря о проявлениях групповщины на совещании в Союзе писателей, следует упомянуть и выступление В. Катаняна. Высказав целый ряд хотя и однобоких, но по многим частностям верных замечаний о книге В. Перцова, В. Катанян не удержался на принципиальных позициях деловой критики и закончил свою речь обвинениями, носившими явно выраженный и недопустимый характер сведения литературных счетов.

Совещание в Союзе писателей вскрыло те серьезные элементы групповщины, которые мешают объединению сил для широкого, всестороннего изучения творчества Маяковского.

Совещание показало, что литературная общественность впредь не потерпит подобных попыток (откуда бы они ни исходили) подорвать объединение сил групповой возней, попыток монополизировать изучение творчества Маяковского в одних руках.

Пора покончить с демагогическими одиночными и групповыми воплями о своей исключительной любви к Маяковскому и с огульными подозрениями и облыжными обвинениями всех остальных в непонимании, неуважении, нелюбви к Маяковскому. Пора покончить с этой вредной для дела демагогией. Тем из повинных в групповщине литераторам, которые сделают для себя верные выводы из критики, честно признают свои ошибки и отдадут свои силы общему делу, для этого открыты все возможности. А тем, кто и теперь не сделает для себя никаких выводов, полезно будет напомнить суровые слова Маяковского, сказанные в 1928 году:

«При прикреплении писателя к литературной группировке он становится работником не Советского Союза и социалистического строительства, а становится интриганом своей собственной группы».

Нам необходимо обеспечить научное, глубоко партийное по своему духу изучение творчества Маяковского, пресекая всякие попытки антиисторического подхода, всякие попытки улучшать или ухудшать что-либо в его творческом пути, который принадлежит истории и народу и в изучении которого не может быть допущено никакого политиканства, никакого и ничьего вкусового произвола.

Нынешнее состояние маякововедения, как это показало обсуждение в Союзе писателей, характеризуется невысоким идейно-теоретическим и профессиональным уровнем целого ряда работ, разобщенностью усилий, отсутствием единого направляющего центра.

Для того, чтобы добиться в дальнейшем решительного поворота к лучшему и обеспечить широкий фронт работы, надо, прежде всего, чтобы один из важнейших вопросов советского литературоведения — вопрос изучения Маяковского систематически находился в поле зрения Союза писателей и его комиссии по теории литературы и критике.

Необходимо, далее, чтобы Институт мировой литературы нашел наилучшие формы для объединения людей, работающих над изучением Маяковского, подобно тому, как эти формы уже найдены для объединения людей, работающих над изучением Горького, и при этом привлек к работе талантливую молодежь, занимающуюся творчеством Маяковского.

Признав недавно законченное изданием полное собрание сочинений В. Маяковского неудовлетворительным с точки зрения текстологии и изобилующим серьезными идейными ошибками в части комментариев, нужно в течение ближайших двух, максимум трех лет выпустить новое полное научное собрание сочинений Маяковского, которое в равной мере необходимо и читателям и исследователям. Институт мировой литературы имени Горького обязан заняться этим делом с академическим тщанием, но без академических темпов.

Давно уже необходимо упорядочить дело хранения, изучения и публикации материалов Маяковского и материалов, касающихся Маяковского, подобно тому, как это упорядочено в отношении архива Горького.

Нашим издательствам, от времени до времени выпускающим работы о Маяковском, следует с ленивых позиций самотека перейти на активные позиции планирования с привлечением к работе широкого круга исследователей Маяковского в Москве и на периферии.

Литературно-художественным журналам и «Литературной газете» следует расстаться с обыкновением вспоминать о Маяковском в апреле и забывать в мае и предоставить свои страницы для регулярного помещения наиболее интересных статей и отдельных глав из новых исследований о Маяковском, для систематического рецензирования всех выходящих работ о Маяковском.

Наконец, учитывая всю общенародную важность работы широким сплоченным фронтом над изучением творчества лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи, как уже было сказано выше, необходимо раз и навсегда покончить с давно внедрившейся в это большое дело и мешающей работе беспринципной групповщиной.

ЧИТАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

О ПРАВДЕ ЖИЗНИ

«Деятельность чиновников от критики, плодом которой явилась вредоносная «теория бесконфликтности», есть, по сути дела, не что иное, как головотяпский перегиб. Борьбу против безыдейности, космополитизма и злостной клеветы на жизнь советских людей в литературе некоторые горе-критики произвольно подменили «борьбой» против основного принципа социалистического реализма — верности правде жизни.

Громкие фразы чиновников от критики, не встречавшие должного отпора, заставляли писателей, в особенности литературную молодежь, в какой-то степени считаться с ними. Эти фразы дезориентировали писателей, заставляли их отказываться от изображения действительных жизненных конфликтов и втискивать свои произведения в узкие схемы. Искоренение ханжеской критики — отнюдь не легкое дело, тем более, что носители ее вовсе не отличаются большой принципиальностью и всегда будут готовы отказаться от своих положений на словах, с тем, чтобы в той или иной форме продолжать проводить их на деле... Решения этой задачи можно добиться, как мне кажется, только путем привлечения писательской и читательской общественности».

Это — выдержка из письма читателя «Литературной газеты» **И. Бестужева** (Москва).

Редакция получает много писем о литературе. Они написаны по-разному, разными людьми, о разных книгах. Но почти всем письмам присуща одна общая черта: читатели хотят увидеть в книге подлинную правду жизни, не терпят искусственности, лжи, ханжества. Именно с этой точки зрения оценивают они литературу.

«Мне вспоминаются слова М. Горького, — пишет **М. Бабук** (Новочеркасск): «Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и нельзя скрывать грозную правду в пестрых словечках красивенькой лжи». Только ханжество некоторых критиков, трусость и неуверенность в своих силах некоторых поэтов и писателей вызывают на свет произведения, в которых все окрашено в розовый цвет. Такие книги рождают убеждение, что в нашей жизни уже не нужно борьбы, все прекрасно, больше делать нечего.

Прогресс без любви и ненависти, без дерзаний и неудач, без желаний и лишений, без ошибок и страданий, без жестокой борьбы нового со старым, — невозможен. Кто посмеет утверждать, что в нашем обществе нет людей, сознание которых отравлено пережитками прошлого, и что эти люди не являются типичными? Разве нет у нас бюрократов, нет обывателей? Разве нет у нас казнокрадов, взяточников, подхалимов, беспринципных и продажных душонок, которые так и водят носом по ветру — откуда он подует сегодня? Разве нет очковтирателей, бездельников, пьяниц, развратников? Разве не встречаются у нас бездельницы, живущие, как бурьян, оторванные от советской действительности, проникнутые ядом мещанского духа, хотя часто они являются женами передовых людей? Нужна очень большая сила, чтобы их перевоспитать, ибо закоренелая мещанская психология крепко борется за свое эгоистическое «я», становится на дыбы, старается победить, и в условиях некоторых семей побеждает. Разве это не жизненно, не типично!

Все эти болячки на здоровом теле нашего общества нужно ликвидировать. И очень большую роль здесь играет наша художественная литература».

А. Комиссаров (Акмолинская область) пишет в своем письме:

«Не нужно забывать, что между отрицательными и положительными образами может быть масса промежуточных образов, героев, характер которых находится в процессе становления, в борьбе этих двух начал. Положительные образы должны быть правдивы. А в книге положительный герой иногда так возвышается писателем, что оказывается неправдоподобным».

Е. Ершова (Челябинск) пишет: «Всегда ли виноваты читатель и критик в однобоком и схематическом понимании прочитанного? Почему, прочитав книгу, где все как будто и верно, все-таки думаешь: «А ведь в жизни так не бывает». Но случается, что автор изображает то, чего в жизни может и не быть или бывает очень редко, но делает это так талантливо, правдиво и убедительно, что читатель верит ему, не требуя никаких подтверждений.

Вспомним роман В. Каверина «Два капитана». История гибели полярной экспедиции описана так хорошо, что многие читатели и по сей день считают капитана Татаринова лицом историческим, а не художественным вымыслом автора. Саня Григорьев, Катя, Ромашов, Николай Антонович, Кораблев ни на минуту не вызывают в читателе сомнения в возможности их реального существования.

В искреннем и взволнованном письме **П. Петров** (Москва) говорит об изображении молодежи в литературе, о воспитательных проблемах, которые возникают в связи с этим.

«Современная литература нередко описывает молодежь очень хорошей, «посыпанной сахаром», сладкой до приторности. Но ведь это не так. Наряду с прекрасной, благородной молодежью, наделенной высокими моральными качествами, встречаются и такие молодые люди, цель которых — хорошо пожить за счет других, за счет общества.

Мы, родители, часто портим детей, чрезмерно их балуем. Из ребенка вырастает эгоист. Наконец, он начинает зарабатывать сам, но продолжает жить за счет родителей, а свой заработок тратит на свои удовольствия. Неужели писатели не видят подобных явлений? Нет, они видят, но считают, что лучше писать о «сахарной» молодежи, чем об отдельных испорченных молодых людях. Такие книги успокаивают нас, убеждают, что все хорошо, а книги должны волновать, заставлять бороться с пережитками. Товарищи писатели! Я знаю, что трудно написать хорошее произведение, чтобы оно волновало, чтобы оно всецело захватывало, но нам, читателям, очень нужны такие книги! Ведь они помогают жить и бороться!»

А. Мелешко (Северный флот) говорит в своем письме о том, что, к сожалению, в произведениях литературы, вышедших за последние годы, редко можно встретить яркий и убедительно написанный характер отрицательного героя. А если и пробует показать одного из таких людей писатель, поэт или драматург, то этот герой, как правило, быстро исправляется, стоит только побеседовать с ним, поругать на комсомольском или партийном собрании или же слегка наказать его. Это явная неправда. Ведь в жизни бывает гораздо сложнее. Нередко писатели искусственно сглаживают конфликты. В качестве примера А. Мелешко приводит роман И. Панова «Страстное желание». В этой, по его мнению, неплохой книге очень слабо показаны жизненные конфликты. Нелегко, наверное, было герою книги Дронову стать передовиком производства, но в романе все у Дронова идет, как по маслу. Почти никаких трудностей не возникло на его пути.

Читатель **М. Мастеров** (Москва) разбирает рассказ И. Василенко «Трудности», напечатанный в журнале «Огонек» (№ 29, 1952 г.). «Герой рассказа Ваня собирается вступить в комсомол. Ваня получает одни пятерки, он самый лучший звеньевой в пионерской дружине, сам чистит и гладит свой костюм. Он быстро осознает все свои ошибки и довольно легко преодолевает трудности. Отец Вани — начальник цеха, хороший производственник, его хвалят в газетах. Он много работает, заботится о подчиненных, правильно реагирует на критику. Мать Вани — также очень сознательная женщина. Прокатчик Джебулов, работающий в цехе, возглавляемом ваниным отцом, такой скромный, что стесняется подать заявление в завком о путевке, хотя страдает язвой желудка.

События в рассказе развиваются ровно, гладко. У читателя не возникает желания узнать, что будет дальше. Ясно, что все будет благополучно, а сын безупречного начальника Ваня наверняка окажется достойным быть принятым в комсомол. Такой рассказ не заинтересовывает, не увлекает, а следовательно, не имеет почти никакого воспитательного значения».

Зато как благодарны бывают читатели, когда находят в книге образы достоверные, жизненно правдивые, увиденные писателем в действительности.

Об этом пишет **А. Цуканова** (Монино, Московской области), делясь своими впечатлениями о романе А. Фадеева «Молодая гвардия». «Образы Олега Кошевого, Ульяны Громовой, Сережи Тюленина, Любы Шевцовой живут в наших сердцах, будят все хорошее и честное, что есть в человеке. Отвращение чувствует читатель к Вырыковой и Поздышевой, к их мещанскому приспособленчеству к любому строю, к любому обществу, к любому начальнику — лишь бы жить! Нет, «жить» это слово не для них — лишь бы существовать! Презрение остается к Стаховичу, презрение, смешанное с чувством досады: а ведь мог же ты быть совсем другим, не погубил бы дорогих нам людей. Мало знали тебя, много доверили тебе! Мало следили за тобой, мало «терли» в семье, в школе, в пионерском и комсомольском коллективе... И внимательнее смотрят родители в глаза своим детям, внимательнее приглядывается классный руководитель к поведению ребят...

Хорошая книга — большой подарок читателям. Умная, простая, доходчивая критическая статья помогает этот подарок лучше разглядеть и оценить».

Но, как верно говорит А. Цуканова, критика недостаточно внимательно относится к запросам читателя, часто выпускает из поля зрения то, что своей правдивостью и остротой привлекает внимание в книге. Много писала критика о романе А. Коптяевой «Иван Иванович», подробно останавливалась на характерах Ивана Ивановича, Ольги, Таврова. «Но вот супругов Пряхиных, — пишет А. Цуканова,— критика сочла недостойными своего внимания. А между тем, мне кажется, очень хорошо схватила А. Коптяева сущность Павы Романовны».

Далее А. Цуканова дает верную и острую характеристику Пряхиных и им подобных. По мнению А. Цукановой, Пряхины написаны настолько правдиво, что можно предугадать их дальнейшую судьбу. Пряхины и сейчас живы-здоровы, живут в каком-нибудь большом городе. Пошлость, мещанство живучи и обладают колоссальной способностью приспособляться к любым условиям.

Литература не только отражает действительность, она призвана активно воздействовать на нее. Поэтому, когда из поля зрения литературы ускользают какие-то стороны жизни, — это не просто недостаток литературы, но и ущерб, наносимый делу воспитания наших людей.

СТАЛИНГРАД. Книжный магазин на улице Мира.

Фото А. АНДРЕЕВА

Выставка, посвященная советской литературе

В Государственном литературном музее (Москва) в ближайшее время откроется большая выставка, посвященная русской советской художественной литературе. Заместитель директора Гослитмузея А. Моисеева в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» рассказала:

— Выставка, над которой коллектив музея работал несколько лет, должна дать представление об основных этапах развития русской советской художественной литературы, начиная с первых лет существования нашего социалистического государства и до начала Великой Отечественной войны. Экспозиция построена по принципу хронологического показа развития литературы в целом и творчества каждого писателя.

Выставка открывается разделом, который введет посетителей в атмосферу Октябрьских дней. Здесь представлены политические документы начала революции, исторические документы по идеологическим вопросам — работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», опубликованная в 1905 году, резолюция ЦК РКП(б) о политике партии в области художественной литературы и другие материалы, свидетельствующие о неустанной заботе и внимании партии и правительства к советской культуре.

Большое место на выставке уделяется имеющим неоценимое значение для развития советской литературы трудам И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», «Марксизм и вопросы языкознания», а также материалам XIX съезда партии.

Естественно, что на выставке широко будут показаны творчество и деятельность М. Горького и В. Маяковского. Множество экспонатов расскажет о дружбе В. И. Ленина и И. В. Сталина с Горьким, об общественно-политической и публицистической деятельности великого писателя. В одной из витрин посетители найдут редкую фотографию: Горький организует эвакуацию художественных фондов из Петрограда в 1919 году.

Редкими изданиями книг, многочисленными рисунками к «Окнам РОСТА», фотографиями представлена неутомимая общественная и творческая работа Маяковского. Ряд материалов иллюстрирует дружбу его с Горьким. В частности, два соседствующих экспоната: фотокопии титульного листа «Облако в штанах» с дарственной надписью «Алексею Максимовичу с любовью Вл. Маяковский» и титульного листа книги «Детство» с дарственной надписью: «Без слов, от души. Владимиру Владимировичу Маяковскому М. Горький».

Переходя из зала в зал, посетители смогут проследить, как с годами росла и крепла самая передовая литература в мире, как ширились ряды советских писателей, отражавших в своих произведениях важнейшие периоды развития советского государства.

— В ближайшее время выставка будет открыта для широкого обозрения,— заключает А. Моисеева.—Но мы не считаем свою работу завершенной, нам предстоит еще показать литературу периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

Новые книги

Гуляшки А. МТ станция. Роман. Перевод с болгарского М. Кабакчиевой и Т. Рузской. Издательство иностранной литературы. 287 стр. Цена 8 руб. 95 коп.

Гурунц Л. Мир вам, люди! Рассказы и очерки. Ереван. Айпетрат. 264 стр. Цена 4 руб. 10 коп.

Коптяева А. Фарт. Роман. «Советский писатель». 306 стр. Цена 5 руб. 35 коп.

Кремянская Н. Д. Н. Мамин-Сибиряк как детский писатель. Свердловское областное государственное издательство. 84 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Кубка Ф. Маленькие рассказы для мистера Трумэна. Перевод с чешского. Издательство иностранной литературы. 72 стр. Цена 1 руб. 65 коп.

Рагим М. На апшеронской земле. (Стихи). Авторизованный перевод с азербайджанского В. Потаповой. Баку. Азернешр. 52 стр. Цена 1 руб. 35 коп.

Русские песни. Составил И. Розанов. Гослитиздат. 404 стр. Цена 6 руб. 25 коп.

Стельмах М. Над Черемошем. Гуцульские мотивы. Авторизованный перевод с украинского И. Дорбы. Киев. «Радянський письменник». 336 стр. Цена 5 руб.

Тэсс Т. Под нашим небом. (Очерки и рассказы). Издательство «Известия». 280 стр. Цена 4 руб. 90 коп.

Фальяс К. Мамита Юнай. (Роман). Перевод с испанского Б. Загорского. Издательство иностранной литературы. 192 стр. Цена 6 руб. 15 коп.

Федотов Г. Приметы времени. Сборник рассказов. Пензенское областное издательство. 68 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

Фролов И. Стихи. Новосибирское областное государственное издательство. 72 стр. Цена 2 руб. 40 коп.

Хадкевич Т. Эхо в горах. Повесть. Авторизованный перевод с белорусского П. Кобзаревского. «Советский писатель». 284 стр. Цена 3 руб. 40 коп.

Евгения Ивановна Ковальчик

После тяжелой и продолжительной болезни скончалась Евгения Ивановна Ковальчик, член Союза советских писателей, видный советский критик, заместитель редактора «Литературной газеты» по разделу литературы и искусства.

Е. И. Ковальчик родилась в 1907 году. Окончив в 1929 году литературно-лингвистическое отделение Московского государственного университета, Е. И. Ковальчик в течение ряда лет вела педагогическую, редакторскую и научную работу.

В начале Великой Отечественной войны Е. И. Ковальчик работала ответственным секретарем и членом редколлегии журнала «Красная новь», затем заместителем редактора газеты «Литература и искусство», заведующим отделом литературы и искусства газеты «Известия».

В течение ряда лет Евгения Ивановна Ковальчик возглавляла комиссию по критике Союза советских писателей СССР. С 1946 года она заведовала кафедрой советской литературы на филологическом факультете Московского государственного университета имени Ломоносова.

Е. И. Ковальчик подготовила несколько выпусков молодых специалистов в области изучения и преподавания советской литературы, внимательно и заботливо руководила работой аспирантов, пользуясь большой любовью и уважением своих учеников.

С 1951 года Е. И. Ковальчик свою деятельность в университете совмещала с работой в «Литературной газете».

В 1940 году тов. Ковальчик вступила в Коммунистическую партию Советского Союза. Она была преданным и стойким коммунистом, отдававшим все свои силы тому делу, которое ей поручала партия.

Перу Евгении Ивановны Ковальчик принадлежит ряд литературно-критических работ, отличающихся высокой принципиальностью, научной глубиной и горячей любовью к литературе, изучению и пропаганде которой она посвятила всю свою жизнь, полную неутомимого труда.

Евгения Ивановна была человеком большой души, чутким и отзывчивым товарищем. Как редактор и критик Е. И. Ковальчик помогала многим советским писателям в их творчестве. Светлая память о ней будет всегда жить в наших сердцах.

А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, А. Софронов, Н. Тихонов, А. Корнейчук, К. Федин, Ф. Панферов, Л. Леонов, В. Кожевников, Н. Грибачев, А. Твардовский, Б. Горбатов, Б. Рюриков, Н. Атаров, И. Анисимов, А. Анастасьев, Б. Агапов, А. Кривицкий, В. Косолапов, В. Коротеев, Б. Лавренев, В. Ермилов, Н. Погодин, Г. Владыкин, Е. Книпович, А. Караваева, Г. Гулиа, А. Еголин, В. Смирнова, М. Шагинян, З. Кедрина, В. Озеров, Н. Гудзий, А. Метченко, С. Евгенов, К. Зелинский, В. Полторацкий, С. Преображенский, Б. Брайнина, Н. Лесючевский, Н. Глаголев, С. Гайсарьян, Б. Михайловский, Е. Любарева, Н. Соколова, Л. Тимофеев, М. Прилежаева, В. Перцов, А. Бочаров, А. Котов, В. Карпова, Л. Поляк, А. Плешков.

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти критика-литературоведа, члена ССП

Евгении Ивановны Ковальчик

и выражает соболезнование семье покойной.

Гражданская панихида — 3 февраля в 12 часов дня в конференц-зале Союза советских писателей, кремация в 2 часа дня.

Редакционная коллегия, партийное бюро и местный комитет «Литературной газеты» с глубоким прискорбием извещают о смерти заместителя редактора раздела литературы и искусства

Евгении Ивановны Ковальчик

и выражают соболезнование семье покойной.

3. Говоря об изучении творчества Маяковского, нельзя одновременно, хотя бы кратко, не коснуться вопроса о продолжении и развитии традиций Маяковского в нашей современной поэзии.

Что такое традиция Маяковского?

Об этом лучше всего сказал сам Маяковский:

все, что я сделал,
все это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!

Мы, советские поэты, обязаны спросить себя, в какой мере действительно сейчас все это наше, то, о чем Маяковский сказал, — «все это ваше».

Насколько хорошо мы пользуемся этим наследством, если понимать наследство, как живую традицию? А только так его можно и должно понимать.

Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте еще раз кратко вспомним, что сделал Маяковский.

Маяковский еще юношей поднял голос против капиталистического строя, против империалистической войны.

Маяковский между Февральской и Октябрьской революциями задумал, а в 1918 году закончил первую революционную пьесу «Мистерия-Буфф», в которой героическая мечта об обетованной земле коммунизма сочеталась с беспощадной сатирой на буржуазное общество.

Маяковский в 1924 году написал замечательную лиро-эпическую поэму о Ленине.

Маяковский в 1927 году написал поэму — гимн первому десятилетию Советской власти с таким заглядом в будущее, которого хватает на десятилетия.

Маяковский поехал в Соединенные Штаты Америки и беспощадно в стихах и в прозе разоблачил всю мерзость и низость капиталистического строя Америки.

Маяковский в десятках гневных сатирических стихов год за годом, не уставая, напоминал о том, что классовая борьба продолжается, что родимые пятна капитализма существуют, что в нашей среде еще есть дурные, фальшивые, враждебные нам люди, с которыми надо бороться засучив рукава.

Маяковский неустанно бичевал в искусстве всякие попытки сесть и отдохнуть у тихой речки и любоваться на мирный небосвод.

Наконец, Маяковский на протяжении многих лет в удивительных по силе стихах писал о любви — большой, верной, бескомпромиссной, хотел только такой любви, только ее считал красивой. И эта сторона его работы — не надо забывать — тоже входит в понятие — «все, что я сделал, все это ваше».

Таковы темы.

Но были еще и рифмы, и дикция, и бас, — то есть, характер его поэзии, то, как Маяковский ставил эти темы, как он решал их, а решал он их не как комментатор, которых, к сожалению, еще немало есть у нас в поэзии, а как агитатор, горлан и главарь.

Можно ли превращать вопрос о следовании поэтическим традициям Маяковского в вопрос о следовании сумме поэтических приемов Маяковского? Можно ли заявлять — как это по существу делает С. Трегуб—о том, что внешняя похожесть поэтических приемов есть главный критерий в определении школы Маяковского?

Нельзя представить себе ничего более антимаяковского, чем это формалистическое утверждение.

Характер поэзии Маяковского определялся прежде всего той задачей, которую ставил перед собой поэт,—быть агитатором, горланом, главарем поэзии во имя победы коммунизма. Ставя эту задачу, он искал поэтических приемов, которые соответствовали ее наиболее боевому решению.

Так как же, спрашивается, можно переворачивать весь вопрос с ног на голову и на основании чисто формальных аналогий в построении стиха записывать в число наиболее плодотворных продолжателей Маяковского людей, которые подчас даже вовсе и не стремятся ставить перед собой те задачи большого общественного размаха, какие ставил перед собой Маяковский, а стало быть, и не идут по существу за его традицией. (Причем речь здесь, разумеется, не о масштабах дарования, а о самом направлении работы).

Пополнять ряды людей, следующих Маяковскому, исходя из формальных аналогий, значит подходить к делу и узко и неверно по существу.

Но есть и другой неверный подход к вопросу, который хотя и кажется, на первый взгляд, широким, однако широта его — мнимая.

Довольно широко бытует обыкновение говорить, что все без исключения советские поэты в той или иной мере работают в традиции Маяковского, что все испытывают на себе влияние Маяковского, что все, таким образом, его ученики, и, стало быть, — о чем беспокоиться? Раз все советские поэты, которые работают после Маяковского, автоматически зачисляются в число людей, которые в той или иной мере следуют его традициям, а Маяковский — лучший, талантливейший поэт советской эпохи, то, значит, у нас в поэзии сейчас все благополучно.

Между тем это, конечно, не решение проблемы, а только метод ухода от критики, замазывание ряда реальных слабостей нашей поэзии. Это напрасная массовая амнистия целому ряду наших поэтов, плохо и мало работавшим в последнее время, не поставившим перед собою во весь рост задачи стать агитаторами и поэтому оказавшимся комментаторами, не главарями, а обозниками нашей литературы.

Итак, обе постановки вопроса неверны.

А что же верно?

А верно — и об этом нужно сказать со всей прямотой —то, что великая и боевая традиция лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи ныне в нашей поэзии осваивается еще не так, как это должно было бы делать, меряя масштабы поэзии масштабами деяний нашего народа. При этом следование традициям Маяковского подменяется часто суесловием, которое не может заменить дела, то есть истинного и широкого следования традициям великого поэта. А что это значит? Это значит прежде всего делать свое поэтическое дело, как Маяковский, зная, видя и претворяя в стихи то главное, что в тот или иной период жизни страны нужней всего, важней всего партии и народу.

Вопрос о традициях — это вопрос не о том, написан «Владимир Ильич Ленин» или «Хорошо!» «лесенкой» или не «лесенкой», а вопрос о том, что Маяковский создал поэмы о Ленине, о партии, о стране.

Тот, кто поставит себе подобного размаха задачу и в меру своих сил постарается выполнить ее, «лесенкой» он напишет или не «лесенкой», будет следовать традиции Маяковского.

Маяковский написал поэму «Хорошо!», обозрев первое десятилетие существования советской власти. А недавно, в ноябре, исполнилась 35-я годовщина Великой Октябрьской революции, и, однако, никто из нас, поэтов, не попробовал оглядеть с этой исторической вышки поэтическими средствами то, что произошло в нашей стране за 35 лет! А ведь такая попытка была бы как раз попыткой творчески следовать традиции Маяковского.

Маяковский писал «Мистерию-Буфф», и «Про это», и «Левый марш», и «Прозаседавшиеся», и подписи к плакатам РОСТА, и «Разговор с фининспектором о поэзии», и «Лучший стих» — о том, что «Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай», и стихи о том, что член ЦИКа оказался помпадуром; он писал о вселении Ивана Козырева в новую квартиру, и о том, что «Маруся отравилась». Он грузил на плечи своей поэзии весь груз жизни, которой жила страна и которой жил он— великий гражданин своей страны.

Как может любой поэт говорить о следовании традиции Маяковского, не стремясь в меру своих сил поставить перед собой хотя бы существенную часть тех задач, которые ставил перед своей поэзией Маяковский?

Когда он вступал в литературные споры, он никогда не обрушивался на то, что другие поэты не пишут «лесенкой».

Он воевал за то, чтобы другие поэты именно так, как он, смотрели на задачи поэзии, — вот что было для него главным!

Неверно зачислять всех поэтов подряд, автоматически в последователи традиции Маяковского. Сказать, что тот или иной поэт плодотворно работает, продолжая традиции Маяковского, значит оказать ему высокую честь, которой не заслуживают те из нас, кто не ставит перед собой больших гражданских задач, какие ставил перед собой Маяковский.

Спрашивается, как можно, ратуя за подлинные традиции Маяковского и любя советскую поэзию, ставить вопрос так, как поставил его С. Трегуб в своей статье «Школа Маяковского», в которой он из всей нашей поэзии военных лет в качестве чуть ли не лучшего примера продолжения традиций Маяковского привел мало удачное стихотворение Николая Асеева, руководясь исключительно соображениями формального и вдобавок весьма сомнительного сходства. Этот пример наглядно показывает, что происходит, когда вопрос о традициях злонамеренно ставится с ног на голову. Николай Асеев имеет крупные заслуги перед советской поэзией, но неужто же он, — как раз в годы войны не создавший ничего сколько-нибудь боевого, признанного народом,— неужели же именно он в данном случае должен был послужить С. Трегубу примером продолжения традиций Маяковского в самую грозную годину жизни нашей страны? Неправда это! Там, где полагает С. Трегуб, традиция Маяковского в ту годину и не ночевала; она жила в сурковской землянке, она была там, где «смелого пуля боится, смелого штык не берет», она плавала через ледяную воду вместе с Василием Теркиным!

В годы Великой Отечественной войны наша поэзия немало поработала в лучших традициях Маяковского.

Не следует скидывать со счетов и многое, сделанное нашими поэтами и в русской поэзии и в поэзии братских народов после войны и вполне достойное традиций Маяковского.

Но сейчас наша задача, думается, все же не в том, чтобы составлять список поэтических успехов за последнее десятилетие; о них в нашей критике уже говорилось достаточно. Думается, что после минувшего мало удачного, вялого поэтического года будет верней и плодотворней, оглянувшись и на этот год и на предыдущие годы, обратить внимание прежде всего на то, где мы не следовали традиции Маяковского, где у нас есть упущения, которые, трезво их признав, нам надо восполнять и наверстывать.

Для примера задумаемся над таким фактом. Партия несколько лет назад со всей остротой поставила перед деятелями культуры, в том числе и перед нами, литераторами, вопрос о борьбе с космополитизмом и с низкопоклонством перед буржуазной заграницей. Вся страна была возмущена фактами низкопоклонства перед Западом. Литераторы, в том числе и поэты, выступили со многими боевыми статьями и речами, но... стихов, в которых бы в поэтической форме были выражены народный гнев, народное презрение к низкопоклонникам, мы не написали. И когда нам нужно сейчас назвать стихи о борьбе с низкопоклонством, мы вынуждены опять и опять цитировать Маяковского, его стихи «Нашему юношеству», где идет речь о грузинской и татарской академиях, которые между собой «переписываются по-французски», или его же слова из стихов об Америке:

У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

Процитировать еще раз блестящие строки Маяковского, разумеется, всегда хорошо, но следует помнить, что это не может ни оправдать, ни заполнить пробелов в нашем собственном «строчечном фронте».

Возьмем в качестве еще одного примера такое важное дело, как борьба с отрицательными явлениями нашей жизни, с дурными, фальшивыми людьми, с бюрократами, с подхалимами, с жуликами, с двурушниками, со всякого рода негодяями, которые еще не перевелись, с разными мерзавцами, что, как говорил Маяковский, «ходят по нашей земле и вокруг».

Чем мы, поэты, можем здесь за последнее время похвастаться, или, вернее, чем мы можем подтвердить, что плодотворно работаем в этом смысле в традиции Маяковского? Разве что своими статьями, где мы по этому поводу то и дело цитируем стихи Маяковского то о бюрократе, то о подхалиме, то о ханже.

Почему, спрашивается, имея в поэзии традицию такой беспощадной, уничтожающей сатиры, какую нам оставил Маяковский, традицию, в свою очередь опиравшуюся на великую традицию Некрасова, — мы громадное дело поэтической сатиры по существу целиком передоверили очень узкому кругу далеко не самых сильных наших поэтов, причем в большинстве своем работающих скорей в жанре юмора, чем в жанре сатиры.

Почему мы привыкли к тому, что наши лучшие советские поэты годами не выступают на страницах газет и журналов с сатирическими произведениями?

Почему против кое-где еще гнездящегося у нас бескультурья, против таких еще бытующих у нас в разных углах темных пятен, как матерщина, грубость, хулиганство, выступает со статьей прозаик Федор Гладков и почему не выступают поэты со стихами, бичующими остатки этих позорных явлений? Почему поэты не следуют здесь традиции Маяковского?

Наконец, самый недавний пример — разоблачение группы врачей-шпионов, агентов сионистского «Джойнта», американской и английской разведок.

Нас всех это волнует, мы все возмущены поистине античеловеческой звериной деятельностью этих убийц в белых халатах.

Но спрашивается: каким поэтом уже напечатаны в газетах стихи о разоблачении этих убийц? Почему наше омерзение, презрение, ненависть еще не выражены в гневных, бичующих врага и призывающих к бдительности стихах?

То, что таких стихов еще не появилось, означает недооценку многими нашими поэтами той непосредственной действенной, разящей силы поэтического слова, которую так хорошо знал и которой так мастерски пользовался Маяковский.

Достаточно привести все эти факты, чтобы сказать: нет, не пристало нам успокаивать себя тем, что все мы уже успешно и в должной мере следуем традициям Маяковского. Перед нами еще непочатый край дел, которые мы, следуя этим традициям, обязаны дополнительно нагрузить на плечи поэзии.

Мы часто повторяем строки Маяковского:

чтоб больше поэтов
хороших
и разных.

Но, повторяя, мы до конца не вдумываемся в эти слова — **хороших** и **разных**.

(Окончание на 4-й стр.)

ПОСЛЕ КОНГРЕССА НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

МНЕНИЕ НОРВЕЖЦА

Альф Би КРИСТИАНСЕН,
норвежский журналист

Норвегия—маленькая страна. Но среди деятелей культуры и искусства—мужчин и женщин—у нас имеется немало крупных писателей, художников, композиторов, которые борьбе за социальную справедливость, за свободу и мир посвятили не только свое творчество, но и всю жизнь. Вечным примером служит для них подвиг норвежского писателя-коммуниста Нурдаля Грига, павшего в борьбе с гитлеровскими фашистами. Когда пилотируемый им самолет, объятый пламенем, был сбит над Берлином, Григ передал в эфир свои последние слова: «После окончания войны неустанно, ежедневно боритесь за мир, потому что в дни, когда вы не боретесь за мир, вы помогаете войне».

Мне вспоминается период напряженной подготовки к Конгрессу народов. В те дни нередко можно было услышать вопрос, обращенный к нашим крупнейшим деятелям культуры: «Подпишете ли вы приветствие Венскому Конгрессу народов? В нем будет написано, что Комитет защиты мира деятелей культуры в Осло желает дальнейших успехов величайшему делу человечества, ибо они считают мир жизненно необходимым условием своей работы».

Я не могу назвать всех, к кому обращались с таким вопросом, — их было много. Но из числа крупнейших деятелей культуры я не знаю ни одного человека, кто бы ответил: «Нет, мне это неудобно. Я не решаюсь».

Враждебные делу мира реакционные газеты и радио «позаботились», чтобы как можно меньше простых норвежцев узнали, что столь видные деятели культуры, среди которых некоторые вовсе не являются активными борцами за мир, решительно ответили: «Да, я подпишу». И хотя в сегодняшней Норвегии это совсем не легкое дело поставить свою подпись под документом, зовущим к миру, их имена все же украсили приветствие Венскому Конгрессу народов в защиту мира. Среди этих имен много новых, которые, скажем, год назад невозможно было увидеть под подобным приветствием.

А какой из всего этого следует вывод? Расширилась брешь, пробитая сторонниками мира в стене лжи и клеветы, которой окружает их намерения и действия реакционная печать. Больше стало тех, кто осмеливается пренебречь угрозой потери общественного положения, невзирая на преследования, принимающие различные формы. И это в то время, когда из Вашингтона сообщают, что правящие круги США разработали специальную программу борьбы против движения в защиту мира. Речь идет о дальнейшем нажиме на зависимые от американцев правительства Западной Европы и усилении преследований борцов за мир.

Разумеется, достигнутые нами успехи не могли быть столь значительными, если бы норвежские борцы за мир, вдохновляемые широким размахом движения в защиту мира в других странах, не проделали упорной работы. В результате наблюдается растущее сочувствие норвежских рабочих борьбе в защиту мира. В свою очередь деятели культуры и искусства все сильнее ощущают личную ответственность за гибельный для страны политический курс, взятый правительством и угрожающий самому существованию Норвегии. Эти успехи не были бы столь значительными, если бы американские империалисты не показали перед всем миром свое гнусное лицо, которое нельзя замаскировать никакой «атлантической» пропагандой.

Излишне говорить, что ход Венского Конгресса до неузнаваемости искажался на страницах реакционной норвежской печати вообще, в газетах и журналах правых социал-демократов в особенности. Что же касается принятых в Вене решений, то, если бы это зависело от продажной печати, которая все больше перестраивается на американский лад, до простых норвежцев они так и не дошли бы. Но, слава богу, в Норвегии многие читатели и слушатели уже не верят реакционным газетам и радио.

Недоверие к лживой американизированной пропаганде с каждым месяцем усиливается. И хотя норвежский рабочий находится под сильным влиянием правой социал-демократии, все же, следя за превращением своей прекрасной родины в вотчину американцев, он сокрушенно качает головой и негодует: ведь по воле своих правителей народ Норвегии стал официальным союзником палачей, ведущих войну в Корее, Малайе и Вьетнаме.

Поэтому каждое новое выступление борцов за мир пробуждает от безразличия все большее число норвежцев. Многие ли норвежские рабочие оживленно обсуждали решения Конгресса, собравшегося во Вроцлаве? Не очень многие. Но кто из них остался равнодушным к итогам Варшавского Конгресса? И, наконец, кто из них не слушает сегодня со все возрастающим интересом и со все уменьшающимся недоверием рассказы о том, что происходило на Конгрессе народов в Вене?

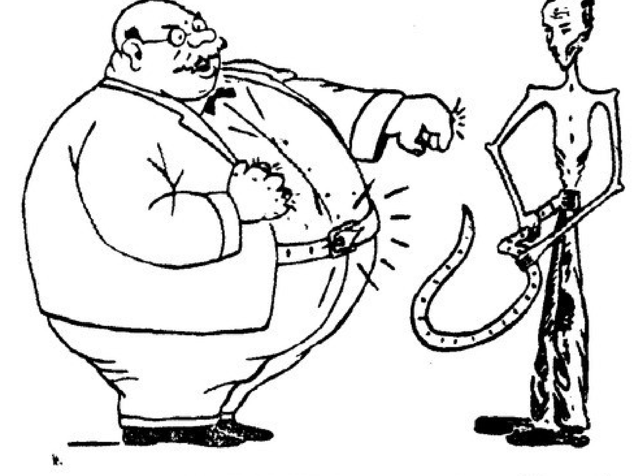
В кругах, заправляющих пропагандистским аппаратом нашей страны, решено было окружить гробовым молчанием решения Венского Конгресса. Но оказалось, что такое событие долго замалчивать нельзя. Грубые попытки замалчивания вызывают протест как со стороны деятелей культуры, так и со стороны остального населения страны, которое проявляет живейший интерес к проблемам войны и мира.

Норвежские делегаты Конгресса в своих статьях и устных выступлениях на массовых митингах и собраниях добиваются, чтобы истина стала известна каждому, а решения, принятые в Вене, дошли до всех простых людей. Норвежские делегаты избрали своим руководителем Рагнара Форбекка — капеллана собора в Осло. Известный борец за мир и представитель норвежского духовенства, он твердо верит в то, что «Конгресс народов в Вене будет иметь огромное значение для защиты дела мира».

Эти слова Форбекк сказал мне по возвращении на родину. Время покажет, что он прав.

ОСЛО, январь

НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

ПРОМЫШЛЕННИК (рабочему): — **Мы оба дошли до «последней застежки», ведь верно? На что же ты жалуешься?..**

Рисунок Эльды Пеннекки из журнала «Лаворо»

По страницам печати

«Экспресс вечорны» — Польша, «Женьминьжибао» — Китай

НА КРАКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

«По явно преуменьшенным довоенным данным, в Краковском воеводстве было не менее 250 тыс. «лишних людей». Десятки тысяч людей ежегодно эмигрировали во Францию, а тысячи других отправлялись на сезонные работы в Германию, или, как тогда говорилось, «на Саксы».

Так пишет польская газета **«Экспресс вечорны»** в статье, рассказывающей о преображении краковской земли теперь, в годы шестилетнего плана развития народного хозяйства Польши.

«Годы шестилетки, — говорится в статье, — это годы генеральной битвы с пережитками капитализма, это годы крупнейших строек в Краковском воеводстве».

Понятно, что газета называет в первую очередь строящийся при дружеской помощи Советского Союза гигантский металлургический комбинат Новая Гута и растущий вокруг него социалистический город.

«Но,— продолжает газета,— Новая Гута это лишь один из многих промышленных объектов, предусмотренных шестилетним планом. Большие электростанции Явожно I и II снабдят электроэнергией краковские города и села, а также промышленные центры. В Олькушском уезде возрождаются свинцовые и цинковые заводы, строятся предприятия строительных материалов, целлюлозы, бумаги. Расширяются азотный завод имени Дзержинского в Тарнуве и завод химического синтеза в Дворах. Краковское воеводство становится областью передовой химической промышленности. Будут построены также хлопчатобумажная фабрика в Андрухове и металлообрабатывающий завод в Кентах».

В длинном списке городов и местечек, где развертывается строительство новых предприятий, газета называет города Новы Тарг, Лиманова, Иордануф, Чарны Дунаец, Чорштын, где вырастает крупное водохранилище, и другие.

«Нет теперь лишних рабочих рук».

В то же время, указывает газета, кооперирование, механизация сельского хозяйства и передовая агротехника несут с собой рост урожая, пшеницу вместо извечной ржи, расцвет новых садов и огородов, рост продукции животноводства.

Непрерывно улучшается культурно-бытовое положение трудящихся воеводства.

«Новые жилые дома появятся в Хшануве, Тшебини, Освенциме, Новом Сонче, Олькуше, Бохне, Новом Тарге... Количество детских садов возрастет до 539, число светлиц (изб-читален) — в два раза, будет открыто 340 новых библиотек, 12 домов культуры, два театра, 21 городской и 205 сельских кинотеатров. Число больничных коек увеличится на 2.700, поликлиник — на 58, родильных домов — на 163».

Так шестилетка меняет облик краковской земли, скалистого Подгалья, известного по старой польской литературе, как символ беспросветной нужды и горя человека.

ФАБРИКА В УХАНЕ

Недавно в городе Ухане пришли в движение десятки тысяч веретен на новой крупной текстильной фабрике.

«Общая площадь фабрики, — сообщает газета **«Женьминьжибао», — 23 тыс. кв. метров; оборудование — самое новое. Все ткацкие станки и машины — отечественного производства. Здесь есть трансформаторы из Шанхая и провинции Хунань, хлопкоразрыхлительные машины из Северного, Юго-Западного и Северо-Западного Китая, кипоразбиватели, кардочесальные, ленточно-вытяжные, банкаброшные и мюльмашины из Восточного, Юго-Западного и Центрально-Южного Китая. Эти отечественные машины отличаются не только высокой производительностью, но и совершенством».**

ПОПЫТКА ПЕРЕВОРОТА ПОД ВИДОМ „РЕФОРМЫ"

Италия бурлит... Так можно коротко охарактеризовать новый подъем борьбы широчайших масс итальянцев против фашистской «реформы» избирательного закона, которую хочет навязать народу правительство де Гаспери. В нынешнем году в Италии должны состояться очередные парламентские выборы. Стремясь любыми способами упрочить маршаллизованный режим, итальянские правящие круги и их заокеанские покровители решили заранее обеспечить на выборах «победу» правящей христианско-демократической партии. С этой целью правительство де Гаспери и внесло в парламент проект нового избирательного закона.

«За честные выборы! За равные избирательные права для всех!» — гласит эта надпись на стене здания в итальянском городе Ливорно. Подобные надписи можно увидеть сейчас во всех городах и селениях Италии. Массовыми демонстрациями, митингами, забастовками, трудящиеся выражают свой протест против нового мошеннического избирательного закона, который правящие круги пытаются навязать итальянскому народу.

Снимок из итальянской газеты «Унита»

Смысл нового избирательного закона заключается в том, чтобы обеспечить стоящему сейчас у власти блоку реакционных партий во главе с клерикалами (христианскими демократами) 65 процентов всех мест в палате депутатов (385 из 590). Для этого реакционному блоку достаточно собрать на выборах хотя бы на один голос больше половины всех поданных и признанных действительными голосов избирателей. Что касается демократических партий, то даже если они получат поддержку 49.9 процента избирателей, на их долю в палате депутатов заранее отводится — по новому закону — только 35 процентов мест.

Так итальянская реакция по команде из-за океана пытается лишить граждан записанного в республиканской конституции 1947 года равного избирательного права. Так, нарушая конституцию, реакция пытается произвести, по существу, государственный переворот под видом избирательной «реформы».

После того, как правительству удалось протащить свою антиконституционную «реформу» через палату депутатов, движение народного протеста по всей стране приняло еще больший размах. Закон еще окончательно не утвержден— предстоит еще его обсуждение в сенате. Только за последние недели в различных районах Италии происходили демонстрации и забастовки протеста. 20 января всеобщую забастовку протеста провели трудящиеся столицы Италии — Рима. Успешно прошла забастовка рабочих металлургических заводов в Удине. Забастовки состоялись также в Венеции, Больцано, Катании, Палермо. Движение протеста перебросилось и в деревню. В провинции Пиза, например, 24 часа бастовали батраки, испольщики и малоземельные крестьяне.

Прогрессивные силы Италии мобилизуют народные массы, чтобы преградить путь фашистской «реформе».

Вот каким способом христианско-демократическая партия пытается заставить итальянского избирателя отдать ей свой голос...

Рисунок художника МАЙОРАНА из итальянского журнала «Мондо операйо»

Некто из итальянского правительства: — **Итак, вот статьи нового избирательного закона. Я уверен, что мы сумеем применить их в духе нашей традиции...**

Рисунок из итальянской газеты «Унита»

Старая книга и новая жизнь

В 1939 году в издании «Ньюгат» вышли очерки известного венгерского писателя Дьюлы Ийеша «Душа и хлеб». Эта книга видного представителя распространенного в то время в Венгрии литературного направления «исследователей деревни» давала картину жизни заурядного венгерского села Добоз.

Дьюла Ийеш ярко показал разорение венгерской деревни, задавленной помещичьим гнетом. На днях книга снова попала в мои руки, и чем внимательнее я вчитывался в ее страницы, тем сильнее разгоралось во мне желание увидеть, что происходит ныне в тех местах, о которых рассказывал автор. Что делают, как живут сейчас трудовые крестьяне этого села?

В Добоз я попал из Бекешчабы утренним автобусом с книжкой Д. Ийеша в руке. Село это несколько отличается от обычных алфельдских деревень с их прямыми, широкими, усаженными акацией улицами. Узкие, извилистые переулки поражают впервые приехавшего сюда человека. Глиняные мазанки окружены садами, за заборами — заросли кустов шиповника. Дождь льет упорно, надоедливо, с самого утра. Земля превращается в тяжелую грязь, которая чуть ли не стаскивает с ног сапоги и так облепляет колеса телег, что они становятся похожими на мельничные жернова. Конский волос в такие дни промокает до блеска; работа на полях прерывается.

Я захожу в сельский совет. Он помещается в старом здании. На стене, с правой стороны от входа, мраморная мемориальная доска оповещает о том, что трудящиеся села не забывают о славных революционных днях 1919 года. Я гляжу на эту доску и возвращаюсь памятью к тем временам, о которых писал Дьюла Ийеш. Тогда, в 1939 году, в селе вместе с окрестными хуторами насчитывалось 7.878 жителей. Посевная площадь составляла 14.710 хольдов,* из них 9.659 хольдов принадлежало крупным поместьям с количеством земли более тысячи хольдов в каждом. Таким образом на долю крестьян приходилось всего 5.051 хольд, т. е. в среднем меньше чем один хольд на человека.

У 238 семей было менее одного хольда земли, а у 659 семей вообще не было ни клочка. Село Добоз в прошлом — село батраков, поденщиков, землекопов.

Какие же изменения внес сегодняшний день в жизнь села и его людей? О них рассказывает мне председатель сельского совета Габор Далмади. Наша беседа идет неторопливо. Мы сидим друг против друга и курим. Председатель иногда замолкает, протирает стекла очков или гладит рукой лист бумаги, словно стирает с него пыль. Тогда молчание затягивается, я откладываю перо и смотрю в окно. В комнату заходят люди, снимают промокшие шляпы и усаживаются на длинную скамью у стены. Временами они вставляют свое слово в разговор. Так вырисовывается картина новой жизни села.

— Врачебный пункт нам обошелся в сорок тысяч форинтов, клуб — в сто пятьдесят тысяч форинтов,— говорит председатель.— Три тысячи рабочих дней отработали трудящиеся села добровольно, чтобы построить этот клуб — один из красивейших дворцов культуры во всем комитате. В бывшем графском замке сейчас располагаются школа, местная организация Союза трудящейся молодежи Венгрии и контора кооператива по совместной обработке земли. А графский парк сейчас открыт для всех, там устроен стадион.

— Земля,—вставил один из присутствующих и начал подсчитывать, загибая пальцы на руке,— всего, значит, 8.600 хольдов разделили между крестьянами в 1945 году. Три сельскохозяйственных производственных кооператива действуют сейчас в Добозе: имени Петефи, «Сеятель» и вот только на днях организовался кооператив «Новая жизнь».

— Хутор Герла,— говорит другой,— раньше был господским двором с маленькими батрацкими лачугами вокруг. Теперь там проведено электричество, установлен телефон. За последние четыре года на хуторе построено 105 новых домов. Проложена асфальтированная дорога, открылась школа, начал работать клуб.

— Теперь мы строим узкоколейную железную дорогу в Бекешчабу. Скоро и она будет пущена в эксплуатацию,—добавляет с уверенностью председатель и бросает взгляд в окно на омытую дождем сельскую улицу.

У стола стоит женщина, прислушивается и вмешивается в разговор:

— У нас в Добозе—свой детский сад. В нем пятьдесят детей. Без опаски можем все выйти в поле — есть кому нынче присмотреть за детворой.

Выйдя из прокуренной комнаты, я долго еще стою под дождем перед зданием сельсовета. Рядом со мной — секретарь партийной организации села Михай Надь. Он вспоминает старые времена, когда перед зданием бывшей сельской управы, на этой самой площади, в страдную пору уборки урожая собирались тысячи людей и ждали графского управляющего. Нанимались на работу за одно пенге** в день, а часто и за восемьдесят филлеров***. Но даже такую грошовую работу обычно удавалось получить лишь тем, кто мог приходить к трем часам утра за 10—14 километров на дальние участки.

Мой новый собеседник — Антал Гергей, председатель сельскохозяйственного кооператива имени Петефи.

— Был у нас такой период, когда коекого одолевали сомнения: какая будет эта новая жизнь?— медленно подбирая слова, говорит Гергей. — А теперь, смотрите, есть у нас, т. е. у кооператива имени Петефи, 890 хольдов земли, собираем пшеницу, хлопок, рожь, под огороды отвели орошаемый участок. Планы? Вот думаем устанавливать электрический насос — одного механического уже мало,—так как решили отвести под садоводство 22 хольда и полностью механизировать садоводческие работы.

В книге Д. Ийеша я отметил такую запись: «Из своего заработка я не могу отложить ни одного филлера,— говорит Т. М., у которого шестеро детей. — Речи о том, чтобы скопить денег, не может даже быть, ведь бедняк всегда голодает».

Меня интересует, как живут теперь многодетные семьи. И вот мы заходим к Лайошу Дьендьеши, у которого семеро детей. Он — член кооператива имени Петефи. Прошлогодний доход семьи перечисляет нам его жена.

— Всего мы втроем заработали 625 трудодней. Кроме денег, получили 32 с лишним центнера пшеницы, 12 с половиной центнеров кукурузы, 225 килограммов сахара да еще рожь, сено, картофель, свеклу — всего не сосчитать.

В прошлом году семья поставила небольшой сруб и приобрела корову.

...После полудня я посетил учителя Кальмана Тота Лукача. Мы прогуливаемся с ним по улице мимо Народного парка и заходим в школу, к директору Палу Кочиш Саак. Он как раз просматривает списки учеников. В прошлом учебном году 26 выпускников школы окончили 8-й класс, из них тринадцать пошли учиться дальше. Детей школьного возраста в Добозе около тысячи. Из них лишь десять пропускали уроки более или менее продолжительный срок по болезни. До войны в селе было 380 неграмотных. Сейчас их в пять раз меньше — это старики и старухи.

Но выйдем на улицу, посмотрим на самих детей. Меня волнует сейчас вопрос, который задавал в свое время детям этого села Д. Ийеш: «На кого ты хочешь стать похожим?», и получал такие ответы от десятилетних ребятишек:

«Я больше всего хочу быть похожим на Иисуса Христа, потому что тогда уж наверняка попаду в рай». Другой отвечал: «Хочу быть похожим на колбасника Хентеша, потому что он может есть колбасы, сколько хочет». Два очень характерных ответа — на одном лежит печать невежества, на другом — нищеты.

Первый паренек, с которым мы встретились у артезианского колодца, был Иштван Фекете.

— На кого ты хочешь стать похожим?— задаю я вопрос. Мальчуган не спешит с ответом. Он сначала повертел головой, затем взглянул исподлобья на меня.

— Я хочу учиться. А потом буду врачом,— сказал и пустился наутек, разбрызгивая грязь под ногами.

Вторым оказался двенадцатилетний Габор Табаи.

— Буду офицером!— заявил он решительно и повернул ко мне серьезное лицо.

Еще одна попытка. Михай Таут на мой вопрос ответил:

— Я буду трактористом или тем, кто водит паровозы. Мой брат тоже тракторист.

***

Дождь тем временем прекратился, и вечерний закат омывает улицы села. Крестьяне возвращаются с поля. У сельского магазина большое оживление. В самом магазине, у прилавка, я насчитал восемнадцать женщин. Они стоят у полок с текстилем: вчера привезли новый товар, надо посмотреть. Семеро тут же покупают. Из них двое делают покупки на сумму более двухсот форинтов каждая, а двое — на шестьдесят форинтов. Какая-то девочка пришла за фруктовой водой, другая просит отвесить двести граммов копченой колбасы.

Заведующий магазином рассказывает, что особенно большой спрос у них на ткани. Буквально за несколько часов расходятся готовая одежда, туфли, сандалии, головные платки. Нарасхват идут конфеты, за неделю продают центнер, а то и больше...

Я закрываю свой блокнот. По улице с веселой песней проходит отряд солдат. Девочка загоняет гусей во двор. Со стороны кооперативной чайной доносятся голоса и смех. Направляясь в обратный путь с книжкой Д. Ийеша в руках, я думаю о том, что увидел новую жизнь в Добозе, новую жизнь венгерской деревни.

Шандор ИЛЛЕШ,
венгерский писатель

* Хольд — 0,57 гектара.

** Пенге — денежная единица в старой Венгрии.

*** Филлер — мелкая разменная монета.

Об основных проблемах изучения творчества В. В. Маяковского

(Окончание. Начало на 2—3 стр.)

Да, это значит **разных** по художественным индивидуальностям, **разных** по поэтическим приемам, но это не значит **разных** по отношению к делу, то есть к тому, что такое поэзия в жизни поэта. Нет, тут Маяковский был против разных. Он был за одинаковых в своем отношении к делу, в стремлении погрузить все трудности и все радости, все волнения и все противоречия жизни на плечи поэзии, ею выражать все — «о времени и о себе».

Не механическая, а подлинная творческая учеба у Маяковского, уже многим обогатившая нашу поэзию, может обогатить ее еще больше.

Противопоставляя творческую учебу механической, задумаемся в связи с этим лишь над одним показательным примером. Что значит, вспоминая, скажем, об «Окнах РОСТА» эпохи гражданской войны, творчески, а не механически следовать традициям Маяковского?

Некоторые наши товарищи с самыми хорошими намерениями сочли, что вспомнить «Окна РОСТА» и наилучшим образом продолжить традицию Маяковского в дни Великой Отечественной войны означало выпустить по точному образцу и подобию «Окон РОСТА» — «Окна ТАСС».

Можно ли это назвать творческим продолжением традиций Маяковского? Вряд ли! Думаю, что не этим повторением пройденного стал бы заниматься Маяковский, не «Окна ТАСС» делал бы он во время Великой Отечественной войны, будь он жив. Нет! В новых условиях и оружие его было бы новым, более массовым, более мощным, под стать во много крат возросшей мощи страны. Его голос гремел бы каждое утро и каждый вечер на весь Советский Союз по радио. Вот где говорил бы Маяковский с народом. Вот о чем он мечтал еще при жизни. Говорил бы стихами. Говорил бы на всю страну. Говорил бы сегодня о том, что произошло вчера, и заглядывал бы в завтра.

Как не подумать о радио, об огромных возможностях работы поэта на радио, думая о традиции Маяковского?

У нас есть все основания, говоря о творческом продолжении традиции Маяковского, вспомнить и о газете, и о том неоправданно скромном месте, которое занимает у нас сейчас в газете поэзия. Мы сейчас в большинстве случаев печатаем стихи в газетах в качестве украшения, дополнения, чаще всего праздничного, к статьям и выступлениям. Если говорить о традициях Маяковского, то стихи в газетах должны выглядеть не так. Стихи Маяковского не были украшением к статьям, они заменяли статьи, они не комментировали выступления, они были сами выступлениями на важнейшие общественные темы. Поэтому и вправе был сказать о себе Маяковский:

Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на́ год.

Маяковский почти с самого начала своего поэтического творчества пошел по пути человека, в поле зрения которого попадает целый мир, человека, разговаривающего с собеседником, со страной, с человечеством, с миром, с вещами, с пароходами, с океаном — со всем, с кем и с чем он имеет дело.

Маяковский — это трибун, собеседник, полемист, то возвышающий голос до грохота, то холодно разящий иронией, то, глядя в глаза человеку, говорящий самые простые сердечные вещи. Всегда—говорящий!

Читать стихи Маяковского вслух или не вслух, глазами, — все равно значит слушать его разговор с собой. В этом величайшая сила их воздействия, их убедительность, основанная на собственной убежденности поэта. В этом тайна той удивительной многожанровости, в которой работал Маяковский.

В книгах Маяковского с читателями говорит стихами человек, который избрал для себя как основное средство выражения **всех** своих мыслей и чувств стихи, **именно** стихи.

Вот о чем следует думать, вспоминая Маяковского, читая его, желая учиться у него.

Не пытаться говорить чужим, не своим голосом, подражая индивидуальным интонациям голоса Маяковского, примитивно это понимая и пыжась, а найти в себе те собственные возможности, которые в той или иной мере заложены в каждом поэте, для разговора по-маяковски с читателем, с народом, со страной, на все самые волнующие страну и народ и самого тебя темы, — вот в чем задача!

Заставив посторониться групповщиков, формалистов и начетчиков, которые в течение ряда лет узко, отпугивающе разъясняли, что такое традиция Маяковского, и тем делали вредное дело, мешавшее подлинному и широкому освоению традиций Маяковского, покончив с вреднейшими, несмотря на всю их смехотворность, трегубовскими приемами механической примерки поэтической формы Маяковского поочередно к каждому поэту, — давайте примерим характер и богатырский размах поэзии Маяковского ко всей нашей поэзии и в свете этого оценим, что мы делаем и чего недоделываем.

А недоделываем мы еще очень и очень многого. Учитывая наши немалые силы, честно и непредубежденно оглядывая их, правильно и полезно будет сказать о нашей во многом еще плохой работе; сказать, отметая в то же время неверные и вредные попытки говорить о нашей мнимой бедности.

И, наконец, в связи с этим — последнее: поэт Владимир Маяковский работал над стихами, как величайший труженик поэзии. Давайте последуем и этой немаловажной его традиции и вспомним те в высшей степени знаменательные слова о работе поэта, которые Маяковский сказал в 1930 году на вечере, посвященном двадцатилетию его деятельности.

«Товарищи, вторая моя задача, это — показать количество работы. Для чего это мне нужно? Чтобы показать, что не то что восьмичасовой рабочий день, а шестнадцати-восемнадцатичасовой рабочий день характерен для поэта, у которого огромные задачи, стоящие сейчас перед республикой. Показать, что нам отдыхать некогда, но нужно изо дня в день не покладая рук работать пером».

Об этих словах Маяковского не вправе забывать ни каждый советский поэт в отдельности, ни вся советская поэзия в целом.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01208.